

ТАКИЕ
СМЕШНЫЕ
ЖЕНЩИНЫ

Маргарита ЮЖИНА

убей меня
своей любовью

Маргарита Южина
Убей меня своей любовью

«Маргарита Южина»

2007

Южина М. Э.

Убей меня своей любовью / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2007

Маменька Дуси Филина Олимпиада Петровна – прелестная особа шестидесятилетнего возраста и обширных пропорций – рвется замуж. А почему бы и нет? Полученное сыном огромное наследство позволяет выбрать жениха и укатить с ним в свадебное путешествие на Мальдивы. Только все против влюбленных! Сначала пришлось искать няню для внучки Машеньки, чтобы не оставлять малышку на безголового Дусю. Потом выкрали паспорт Олимпиады, затем «молодую» любезно заминировали, а позже и жениха чуть не задавили машиной. Кто ж защитит почтенную невесту, как не единственный сын? Дуся берет бразды расследования в свои мускулистые руки....

© Южина М. Э., 2007

© Маргарита Южина, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маргарита ЮЖИНА

УБЕЙ МЕНЯ СВОЕЙ ЛЮБОВЬЮ

Глава 1

Медицина бессильна

Окрошко Татьяна Ивановна задумчиво возлежала на койке в предродовой палате. Ее сынишка должен появиться на свет денька через два, и подумать было о чем. Татьяну Ивановну вовсе не печалил тот факт, что сынишка был третьим по счету, а содержать детей с каждым годом становилось все труднее – помимо двух сынков у нее осталось дома еще четыре дочурки. В данный момент ее тревожил только один вопрос – даст ли мэрия им на этот раз квартиру или придется отважиться на восьмого ребятенка. Пока Окрошкам ничего не обещали, и женщина всерьез раздумывала – в какую газету на них пожаловаться, однако так и не определилась, потому что от важного процесса ее отвлек раскатистый могучий храп с соседней кровати. Татьяна Ивановна сначала вздрогнула, как и полагается леди с тонкой нервной системой, а потом разразилась возмущением:

– Не, ну нигде покою нет!! Прямо уже и родить спокойно не позволяют – в самое ухо рычат! Что за условия, я не понимаю!! Дамочка! Высуньтесь из-под одеяла, я, наверное, вам тут кричу!

Дамочка еще раз смачно всхрапнула и высунула на свет божий волосатую ногу.

– Какая дикая невоспитанность – завалиться прямо в постель с небритыми нога...

В этот миг соседка по палате перевернулась лицом к Татьяне Ивановне и стены дрогнули от пронзительного визга. На кровати лежал совершенно настоящий, живой и вполне дееспособный мужчина!

В дверь палаты немедленно просунулась голова дежурной сестры:

– Окрошко, не буяньте, вам рожать еще не скоро! Ну я не знаю, прямо как первоклассница, честное слово. Ой, ну чего вы руками трепещете? Вы ж не черепаха, лежите себе спокойно, говорю же – не скоро еще!

Но Окрошко Татьяна Ивановна спокойно лежать не могла, она тыкала пальцем в соседнюю кровать, верещала на одной ноте и в дикой панике безнадежно барахталась в своей провисшей койке, пытаясь подняться и, надо думать, удрать подальше от сомнительного заведения, где рожать приходится даже мужикам.

– Ой, госсиди, – презрительно собрала губы пупочкой дежурная сестричка. – Прямо у самой седьмой ребенок, а она визжит, будто мужчин ни разу не встречала. Чего вы орете? Это санитар наш, отдыхает! Правда, он в декрете сейчас, но без нас долго не может, да! Чуть что – и сюда. А вы прямо вся из себя кричите, как будто вас кусают тут! Ну прикорнул мужчина в предродовой, чего орать-то? Палата же вовсе пустая стояла, а потом вас привезли. Я ж не буду его из-за такой мелочи будить. Да прекратите орать-то!

Татьяне Ивановне удалось-таки выкарабкаться из глубокого ложа, она демонстративно натянула прохлорированный халат и высоко вздернула подбородок:

– Или он! Или я! Вот так я ставлю вопрос – ребром! Да! И если вы его немедленно не вытащите, я... я перестану рожать!

– А-а, ну и ладненько, тогда я скажу, что вы во второй роддом переезжаете, ага? – неприлично обрадовалась медсестра и даже уже дернулась куда-то бежать.

– Нет не ага! – остановила ее мощным криком гражданка Окрошко. – Я сама с ним разберусь.

Татьяна Ивановна гневно прищурила глаза, закатала рукава, подпернула повыше будущего ребенка и решительно направилась к спящему санитару. Сестричка, видя ее серьезные намерения, решила не мешать их первому знакомству и поспешно ретировалась.

Окрошко набрала полный кувшин ледяной воды и, не мешкая, выплеснула бодрящую влагу на храпуна.

Палата снова вздрогнула, теперь уже от мощного мужицкого рева.

– Гражданочка Окрошко! – мгновенно засунулась в палату голова главврача. – Вы, я вижу, уже собрались рожать? Вы как-то подозрительно себя ведете – беспокойно. Я бы даже сказал – неадекватно.

– Да что вы! Я совершенно спокойна, это вот ваш санитар мне подозрительным показался, вы у него спросите, может, он собрался? – мстительно усмехалась беременная Окрошко.

Главврач – господин Беликов перевел взгляд на соседнюю койку, и лицо его медленно стало окрашиваться рубиновым румянцем.

– Дуся!! Евдоким Петрович!! Я извиняюсь, что вы себе позволяете?! – чуть не задохнулся он от негодования. – Потрудитесь объяснить!! Зачем вы покушались на честь беременной женщины?! Не смей храпеть в присутствии дамы!!

Громогласный главврач несолидно пустил петуха, поперхнулся и теперь только тарачил глаза и страшно сопел носом. Из глаз летели искры, из носа – брызги, изо рта – слюни, а сам себе господин Беликов казался разгневанным львом!

Санитар Дуся, которого вообще-то звали Евдокимом Петровичем Филиным, гнева начальства не испугался. Дуся в роддоме работал давно, и главврач постоянно был недоволен его трудовыми потугами, поэтому визжал на санитаря ежедневно, сразу же после утренней пятиминутки, а иногда даже самолично прикладывался тощим кулачком к Дусиному темечку. Вообще к его темечку кто только не прикладывался – любили его воспитывать методом тыка... по макушке, да еще и кулачками. Однако после некоторых событий, после, прямо скажем, диких выкрутасов судьбы, когда Дуся сделался сказочно богат, господин Беликов просто не мог позволить себе орать на единственного спонсора роддома, пришлось сменить гневный ор на масляную улыбку, но все же главврач иногда сдерживаться не успевал – и его прорывало по старой памяти. Но Евдоким был парнем незлобивым, уважал старость, понимал субординацию и попросту плевал на все окрики главврача с высокой башни.

– Дуся!! И почему... почему это у тебя вся одежда мокрая... у тебя что – энурез?! – продолжал нервничать господин Беликов.

Главврач лукавил, никакой одежды на санитаре не было, за исключением огромных семейных трусов в реденький веселый горошек.

– Не, ну Матвей Макарыч! Ну что за дела?! Ну какой, на фиг, энурез?! – громко возмутился Дуся, брезгливо – двумя пальцами – оттопыривая свои мокрые трусы. – Кого вы в палаты кладете? Пряма диверсия какая-то! Вот так ведром взяла и... Будто я ей огурец какой! Меня прям всего с этой кровати смыло! И конечно – трусыя немножко пропитались!.. Не, ну я недоволен! Я чего, спрашивается, зря нашему роддому халаты покупал?! Точно вам говорю – перейду работать во второй роддом, меня давно туда тянут!

Главврач как-то перекинулся и выдал натужную улыбку:

– Дусик, зайка мой, ну какой второй роддом? Ну разве тебе здесь плохо? Я ведь отчего вознегодовал? Исключительно из вредности. Да. Столько раз тебя к себе в кабинет приглашал, а ты на этой кроватке-развалюхе маешься, я как тебя увидел – прям чуть не задохнулся от стыда – нет чтоб у меня, в кабинете, на кожаных диванах, так ты на такой убогой кровати!.. Кстати, Дуся, нам надо кровати поменять, новые купить просто необходимо, но ты же знаешь, нам совсем не дают денег, а у тебя... Дуся, назови мне дату, когда ты поменяешь нам кровати, а? Заметь! Я же не прошу себе кровать домой!.. Хотя чего это не прошу? У меня и дома бы не помешало...

– Ну знаете что, Матвей Макарыч! – вскинулся Дуся.

Видимо, главврач знал. Он открыл двери и зычно прокричал:

– Леночка! Елена Николаевна! Быстренько принесите Дусе... Евдокиму Петровичу халат! Из новеньких, какие мы купили!.. Дуся, а ты пойдём со мной в кабинет, я тебе постелю, полежишь, по...

– Да куда я пойду-то?! – никак не мог успокоиться Филин. – Вон у меня все трусы мокрые!!

Главврач недобро посмотрел на беременную:

– Вы куда метили, гражданка Окрошко?! И что это у вас за такой токсикоз – обливать серьёзных мужчин водой?! Кувшином по нашему спонсору! Если нечем заняться, так лучше бы в палате влажную уборку провели!.. Дуся, пойдём со мной в кабинет, расскажешь, что у тебя дома случилось. Пойдём... Ах ты, боже мой, тебе ж Лена еще халат не принесла! Лена!!

Нарядив санитаря в новенький хрустящий халат, Матвей Макарович потрусил за Филиным к себе в кабинет, в который раз удивляясь: отчего же у Фортуны такие проблемы с глазами – ну совсем не смотрит, кому улыбается?

Ведь вот совсем недавно, кажется, к ним пришел этот недотепа Дуся... ах ты, господи прости, Евдоким Петрович! Пришел и прочно прилип на месте санитаря, потому что ни на что более высокое никак не тянул. И ведь все его устраивало – и нищенская зарплата, и пренебрежительное отношение коллектива, и полное отсутствие перспективы. Глядишь, мужик и прожил бы до глубокой старости возле своих носилок. Так ведь нет! Судьба так хвостом мотнула, что оказался этот олух чуть ли не самым богатым человеком в городе. И за какие такие заслуги? Ведь палец о палец не ударил! Да и деньги, похоже, Филину и не требуются вовсе. Ему такой загородный дом в наследство достался – дворец! А он в своей хрущевке с матушкой проживает, на работу в троллейбусе ездит, одевается, как новорожденный, – в одну фланель! Да еще и девчущку усыновил – подкидыша. Хоть бы о ней побеспокоился – переехал бы в коттедж. Так ведь нет! Вот Матвею Макаровичу привалило бы эдакое счастье, так он бы... он бы...

– Матвей Макарыч! Ну где мне лечь-то? – пробасил над ухом новорусский господин Корейко.

– А вот сюда и ложись, – точно старая нянюшка, кинулся к шкафу главврач, выудил оттуда подушку и плед. – Вот, наволочка чистенькая, я ее только сегодня поменял... А чего, ты говоришь, тебе дома-то не отдыхается? Матушка твоя шалит? Замуж выскочила? Взял бы путевочку да и мотнул куда-нибудь на острова, раз такое дело. Мы ж тебя на работе в декрет отпустили, чего ж не отпустить – какой из тебя работник-то?! Ты и раньше-то не сильно надрылся – не поймешь, кто кого на носилках таскал – ты беременных или они тебя, а уж теперь-то!.. Ты ж у нас теперь только числишься... – завистливо перекинулся Беликов, но тут же опомнился от собственного словоблудия, немедленно поник головой и сердечно добавил: – Я, Дуся, в хорошем смысле этого слова, ты ж понимаешь.

– Я понимаю... – кряхтел Филин, устраиваясь удобнее на кожаном диване. – Только никак нельзя мне сейчас на острова. Кастинг у меня.

– О господи... – осел главный. – Так ты теперь и в большое искусство сунулся? В кинофильмах, что ль, сниматься собрался? Или бульонные кубики рекламируешь? Или... Дуся! Не пугай меня, я умный, я сам догадался! Ты купил киностудию! Евдоким офф корпорейшен! Да?

– Да чо вы мелете, в самом-то деле?! – сморщился Евдоким. – Ну какие кинофильмы?! У меня теперь дома знаете какая студия?! Тут уж не до бульонных кубиков...

Матвей Макарович недоверчиво похлопал глазами, и Дуся, тяжело вздыхая, поведал ему – как непросто живется молодому, холостому мужчине, когда у него в кармане наследство богатого родителя.

Как оказалось, маменька Евдокима – Олимпиада Петровна, одинокая прелестная особа шестидесятого размера и примерно такого же возраста, решительно намеревалась выйти

замуж. И не просто так, а непременно, чтобы со свадебным путешествием на Мальдивы. Слава богу, деньги у нее имелись, жених тоже как-то скоренько нарисовался, но была одна загвоздка – никак не могла она внучку Машеньку на своего безголового сынка оставить. А вот тащить на Мальдивы маленького ребенка, которому только-только ожидается годик от роду, врачи категорически не рекомендовали.

– Прямо всю грудь так и жмет, так и жмет, – пускала слезу маменька перед Дусей каждый вечер. – И в путешествие хочется, никакого удержу нет, когда еще счастье выпадет, чтоб с женихом-то! И Машеньку оставить никак не могу. У тебя ж, сыночек, вместо головы – бейсбольный мяч!

– Волейбольный, – поправлял сыночек и тоже печалился. – Мама, ну давай я няню найму, что ли...

Мама сразу переходила на визг:

– Лучше сразу убей меня здесь на месте!! Лучше сейчас же иди и заказывай мне место на кладбище!! Садист!! Да как ты можешь?! Ты хочешь, чтобы я потом всю жизнь мучилась?!

– Это с чего? – тарачил круглые очи Филин.

– Так ведь эта няня непременно убьет нашу малютку! Она ж ее... со стула скинет! Кипятком ошпарит! Заморит голодом и... и научит пить пиво! Я сама по телевизору видела!

И несчастная бабушка снова кидалась в кресло, укладывала на лоб широкую длань лопатой и стонала.

– Дуся, я знаю, что делать! – решила наконец она. – Тебе надо найти няню!!

Филин крякнул, шмыгнул носом и мысленно стал прикидывать – а где, собственно, заказывают место на кладбище, куда маменька так рвалась.

– Ты о чем это задумался, горе мое? – подозрительно посмотрела на него Олимпиада Петровна, уж больно хорошо она знала своего сынка. – Ты даже не думай!! Ты меня не понял! Тебе надо найти няню, чтобы потом на ней жениться!

– Ага!! – взвыл сынок. – Так прям эти няни на меня и кинулись! Они если и выйдут, то не за меня, а за мое состояние! И что тогда с Машкой будет?!

– Ой, да какое там состояние, оформим на меня дарственную, и ты останешься гол как сокол, – отмахнулась любящая матушка. – А я хоть на старости лет поживу как следует. Знает...

– Нет, ну нормально, да? – спросил Дуся у кого-то за окном. – Она, значит, на старости поживет! А я, значит, как сокол! За меня и с деньгами-то не сильно разбежались, а без денег не то что няня – ее престарелая мать не пойдет! Нет уж, на фига такие дарственные! Мама, сиди дома, Мальдивы твои никуда не денутся.

Олимпиада Петровна хотела было ненадолго отправиться в обморок от возмущения, но побоялась за прическу, да и вопрос еще окончательно не решен, чего уж там спектакли ставить.

– И опять до тебя не дошло, – принялась она объяснять. – Давай сделаем так: дадим объявление в газету, дескать, молодой холостой миллионер примет на работу няню, женитьба на няне гарантирована. Да, гарантирована, но при условии, что та будет великолепно справляться со всеми супружескими обязанностями... нет, с супружескими – это я погорячилась... При условии, что та будет исправно выполнять все обязанности по дому, почитать свекровь и обеспечивать счастливое детство дочери и мужу. Да, вот так. Ну а потом устроим смотрины... сейчас это называется красиво – кастинг! И ты выберешь няню с последующей женитьбой. Все как положено – дадим девочкам испытательный срок, ты приглядишься, а уж потом, если какая окончательно тебя покорит... ну тогда, что ж, придется расписаться. Зато в доме никто не станет воровать, всегда будут чистота и порядок, появится женская рука, мама у Машеньки, у тебя сиделка, а я... я обрету семейное счастье с Яшенькой.

В том, что маменька обретет счастье с новым женихом – Яковом Глебычем, Дуся не сомневался, но вот в остальном...

Он открыл рот, подумал, но потом все же уточнил:

– А про мое наследство мы им скажем – няням?

– Конечно! Я же говорю – прямо в объявлении и напишем! Нам же нужны элитные девушки! А без наследства мы их даже в наш подъезд не заманим... Ой, Дуся, ну чего у тебя такая физия?.. – перекосилась вдруг матушка. – Господи, эти невесты целыми стаями неприкаянные бродят, а нам даже за такое добро платить приходится, вот уж правду говорят – на детях прелестниц природа отдыхает! Так что завтра же...

– Подожди, мам, а если эти невесты пойдут только из-за денег, а меня совсем и не начнут любить? – тревожился Дуся.

Олимпиада Петровна придиричиво оглядела сынка, вздохнула и успокоила:

– Ну конечно не начнут, глупенький. Но зато они будут стараться тебе угодить, чтобы ты втиснул их в свое завещание, понимаешь?

– И тогда жить мне останется... только до написания этого самого завещания... – просчитал свою перспективу Филин.

– О господи! – не выдержали нервы у матушки. – А ты его не пиши, да и все! Скажи, что написано оно на Машеньку, а ты якобы еще не проверил чувства твоей жены! Так можно всю жизнь девке мозги крутить, пока ей в глубокой старости ничего другого не останется, как в тебя по-настоящему влюбиться!.. Нет, ну ты-то что предлагаешь?!

Дусе предложить было нечего. Ему даже показалось интересным – устроить кастинг самым красивым девушкам города, а потом сидеть вот так на диване – и ковыряться в их недостатках: «Ах, вы совсем для няни не подходите, у вас ноги кривоватые! А у вас год рождения подкачал, можем предложить вам вакансию лифтерши... А у вас рост! И вообще – где девяносто-шестьдесят-девяносто?! Куда вы без таких данных в няни?! А вот вы... вы, пожалуй, прошли первый отборочный тур». Сказка! Но действительность оказалась не столь радужной.

Началось с того, что бурной лавины длинноногих обаяшек после объявления вовсе не последовало – ну не верили красавицы, что хоть какой-то захудалый миллионеришка отважится проживать в старинной хрущобе, да еще и искать няню не в элитных агентствах, а в обычной газетенке. А вот дамы, которым изрядно за сорок, решили, что терять им нечего, а потому стайками толпились в подъезде, зычно строили предположения на будущее благополучие и очень мешали соседям. Но самым тяжелым было другое – с окрестных деревенок слетелись на Дусин призыв все особи женского пола, которые страстно мечтали уже не о миллионах, а хотя бы о городской жизни. Эти няни весь день носились по магазинам, к вечеру заявлялись на кастинг с немислимым количеством пакетов, коробок и сумок, неизменно опаздывали на смотрины часа на четыре. При этом сельские красавицы, услышав отказ, заливались слезами в три ручья, потому что оказывалось, что ночевать им негде, на питание денег вовсе не осталось и, между прочим, на обратную дорогу тоже. В доме Филиных теперь высились эвересты из дорожных сумок, котомок, рюкзаков и всяческих пакетов. В комнате непременно выла очередная неудачница, маменька, не зная, как ее вытурить с жилплощади, выла тоже, а громче всех верещала Машенька, которой все эти смотрины шли явно не на пользу. Долгожданная няня не находилась, ни одна из претенденток на идеал не тянула. То она не нравилась Олимпиаде Петровне, то не нравилась Якову Глебычу, то, напротив, – Якову Глебычу уж слишком нравилась, короче – никто не подходил, и все тут! Поэтому сумки прибывали, рев нарастал, и конца этому не предвиделось. Стоит ли удивляться, что Дуся от такого хора сбежал в преддродовую палату, чтобы хоть немного забыться.

– Вот... – снова шмыгнул носом Дуся. – Видите теперь, Матвей Макарович, что я в эту палату ринулся, как в убежище, и вовсе я даже не думал, что там кому-то рожать приспичит!

Матвей Макарович сочувственно помотал головой, в тысячный раз вознеся упрек небесам – и отчего же такое счастье не тому адресату досталось! – и заботливо предоставил свой диван невезучему жениху.

Но сколько бы Филин ни спал, а домой возвращаться пришлось.

Возле подъезда уныло стояли и сидели на лавочках особы всех мастей и возрастов, а возле детской площадки Филин даже заметил яркую туристическую палатку. На него девушки внимания не обращали – прелестницы не предполагали, что их суженый миллионер будет выглядеть столь непрезентабельно. И только возле самой квартиры образовалась небольшая толкучка.

– Мужчина! Скажите своему хозяину, чтобы он просмотрел Круглову Веру, а?! Скажите!

– Про Ирину из Белорыбицы!! Про Ирину!! Да хоть про Белорыбицу намекайте!!

– А ваш начальник строгий? Мушщина, мушщина, а он что – в самом деле богатый?! А чего тогда в таком отстое живет?!!

– Передайте Евдокиму Петровичу подарочек!! Это волнушки!! Это грибки, я сама солила!! И тут еще опята, но, кажется, немножко ядовитые, пусть он их не ест, вы так и скажите – пусть не ест! И от всех наших сельчан большой привет!! От дяди Прохора, от тети Маши Еремеевой, от Вальки Клячи...

Евдоким ниже опустил голову и пронесся в прихожую, плотно захлопнув за собой двери.

– Мам, ну как?! – крикнул он с порога. – Никого не приглядели?

– Ой, ну кого тут приглядишь? – тут же отозвалась маменька, трясая на руках засыпающую Машеньку. – Не знают, с какой стороны к ребенку подойти! Вон посмотри на нее!

Перед маменькой стояла девица в темненьких джинсиках, которые туго обтягивали стройненькие ножки и безупречную попку, к тому же девчонка имела роскошную гриву темно-рыжих волос и прехорошенькую мордашку.

– Ну так что, красавица, скажите, кто у нас такой Гете? – сурово насупилась Олимпиада Петровна на конкурсантку. – Неужели не помните?

– Чо эт я не помню... – обиженно дернулась девчонка и взвела очи к потолку. – Гете – это... ну писатель, ясно же, он еще это... «Фаллос» написал.

– Во-о-о-он!! – взревела Олимпиада Петровна так, что подпрыгнули и Яков Глебович, и Дуся, и красавица-няня.

Только Машенька даже не вздрогнула, ее уже настолько вымотали вечные претендентки, что на руках бабушки она спала спокойно и безмятежно.

– Дуся! Немедленно не слушай, что говорит эта бесстыдница! – уже тише приказала маменька.

Дусик только на минуточку представил, что эта рыжеволосая бесстыдница станет его женой, и где-то под фланелевой рубашкой у него разлилось томительное тепло.

– Ма, а чего – по-моему, нормальная няня, чо ты к ней с какими-то вопросами пристаешь?! Ты б вот лучше об другом поинтересовалась, – укоризненно глянул он на мать, потом неловко съежился и подарил девчонке стыдливую улыбку. – Девушка, а вы за меня замуж хотите?

– Мечтаю! Уже двадцать минут томлюсь, еле сдерживаю страсть! – лихо отчеканила девушка.

– Ну вот! – накинулся на мать Дуся. – Девушка ко мне со страстью, а ты!.. Яков Глебыч, чего вы в ухе ковыряетесь? Записывайте... Девушка, простите, а как вас зовут?

– Милочка! Иванова! – продолжала рапортовать будущая няня, не спуская глаз с Олимпиады Петровны.

Та пристально разглядывала ворону за окном, все яростнее подпрыгивала, качая внучку, и поспешности сына явно не одобряла. Девушка спокойно разглядывала ее профиль и ждала решения.

– Ну вот и все, да? – оживился Дуся, когда увидел, что на чистом листке Яков Глебыч старательно вывел «Иванова Мила. Милочка». – Милочка, вы пока ступайте, но далеко не

отходите, вы уже зачислены на испытательный срок... Мам, я говорю, ту гвардию возле дверей можно распускать, да?

Мать ретиво встрепенулась и с обидой в голосе заговорила:

– Нет, ну ты, конечно, можешь принять на испытательный срок кого угодно! Мое дело вообще сторона! Только если уж решили с кастингом покончить, запишите тогда Ингу Акорн. Яшенька, запиши: А-корн!

– Липушка, Инга Акорн – это такая носатая? И личико такое... жеребьячье, да? Но куда ж ее в няни?! – заартачился Яков Глебыч. – Она ведь вовсе не может к Машеньке подойти!

– Зато она замечательно подходит к кастрюлям!

Дусю передернуло – Инга была единственной, кого он никак не мог представить в своем доме – только на конюшне!

– Ма, но она же Гете не знает! – воскликнул он. И добавил последний весомый аргумент: – Она даже не знает формулу спирта! А кто Машеньку будет учить химии?

– Учитель!! – топнула ножкой Олимпиада Петровна. – И пусть она не знает и вовсе никакого спирта, зато она знает формулу борща!! И великолепно подходит к плите! Прямо-таки один стиль! И к разделочной доске тоже! Она нас уже четвертый день так кормит, так кормит... что мне пришлось покупать новую одежду! А Машенька привыкнет! В конце концов, мы можем... мы можем этот Акорн взять на место повара!

– А что – на поваре мне тоже жениться? – осторожно поинтересовался Дуся.

– Обязательно! – категорически заявила матушка. – Машенька когда-нибудь вырастет, и няня будет ей не нужна, а вот хорошая повариха в семье никогда не помешает!

Потом Олимпиада Петровна наконец вспомнила про внучку и понесла девочку в детскую. Воспользовавшись моментом, Яков Глебыч тут же быстренько приписал некую Самохвалову Аню, вероятно, из всех нянь эта приглянулась ему больше всего. Но его хитрый трюк не прошел – вернувшись, Олимпиада Петровна еще раз просмотрела скудный список нянь в тонкой тетрадке и сразу же наткнулась на фамилию Самохваловой.

– А эта как сюда пролезла? – сурово свела она брови на переносице. – Дуся! Ты хочешь еще и эту вульгарную девицу?! Мы с Яковом Глебычем сразу же решили, что этой вертихвостке не место возле детской кровати!

«А Яков Глебыч, наверное, решил, что возле его кровати она бы смотрелась ничего», – мысленно хихикнул Дуся, но нервировать маменьку не стал.

– Если уж ты так хочешь кого-то еще, – продолжала та, – тогда давай пригласим Прохорову Веру, она очень понравилась Яшеньке. Пусть будет все по справедливости.

Яшенька уныло растянул губы в благодарной улыбке – Прохорова Вера была маленьким забитым существом с робкими движениями и заикающейся речью. Ее на кастинг привела мать со словами: «Поглядите девку, может, сгодится какому дворнику, токо чоб с квартирой, а то у нас на селе вовсе мужиков не осталось, а ей взамуж пора. У меня ить помимо ее ишо три девки на шее сидят».

Уже к концу дня все невезучие конкурсантки были оповещены о своем провале, приходящая освободилась от узлов и баулов (Милочка просто выставила их в подъезд), Олимпиада Петровна выслушала особенно горькие завывания по поводу загубленных девичьих судеб, и жизнь стала налаживаться. Инга сразу же кинулась к кастрюлям, Милочка ухватилась за тряпку, а Вера принялась что-то мычать возле детской кровати – Дуся подозревал, что няня исполняла колыбельную. Девушек поселили в одной комнате (благо стараниями Олимпиады Петровны комнат теперь стало много – предприимчивая дама купила соседнюю квартиру и сделала, что называется, евроремонт), работать они должны были по двое суток, правда, повариха трудилась ежедневно, и все были совершенно довольны.

Для Филиных наступили дни блаженства. Не успевали они утром продрать глаза, а уже в нос им лез запах геркулесовой каши, только-только Машутка начинала свои утренние «песни»,

как к ней немедленно бросалась дежурная няня, Яков Глебович едва покидал ванную, а уже вслед за ним туда неслась Верочка и елозила тряпкой по кафелю. Семейство нежилось бездельем, и лишь маленькой собачонке Филиных Душеньке прибавилось работы – она неустанно облаивала новых работниц и пыталась нагадить им на кровати.

Через неделю Олимпиада Петровна торжественно показала сыну красочную путевку:

– Все, сынок. Пятого октября мы с Яшенькой расписываемся, а шестого отлетаем в путешествие. Ой, с ума сойти, мне столько всего надо успеть! Дуся! Ты теперь будешь просто завален работой, просто завален!

До регистрации оставалось около месяца, поэтому Филин особо не печалился. Какая там работа? В магазины сходить? Притащить сумки? Эка невидаль! Во всяком случае, переживать он не собирался – в данный момент он все больше погружался в пучину Милочкиного очарования.

Девушка была как-то неприлично красива, одаривала молодого хозяина обещающими улыбками, и Дуся все чаще рисовал себя в черном смокинге, с бабочкой, под руку с белоснежной невестой на ковре краевого загса. Все портила маменька. Олимпиада Петровна буквально поедом ела девчонку. Каждый раз она выдумывала новые замечания, и Дуся буквально содрогался от ее грозных окриков:

– Милочка! Сегодня было ваше дежурство? Потрудитесь объяснить – отчего у Машеньки грязные штанишки? Что вы делали с нашим ребенком? Полы, что ли, ею мыли?! – гневно сверкала она очами и тыкала в нос красавице няне испачканные штанишки.

Милочка ловко уворачивалась, дергала бровями и возмущенно верещала:

– Не, ну я вам же ничо не понима-а-аю! Вы глаза-то разуйте! Эт, между прочим, не грязь вам никакая, а наша родная земля! Можете вон у Верки спросить! Вер!! Иди сюда!!! Это чо?! Земля же, да?

Верочка испуганно возникала в дверях, на согнутых ногах подбегала к штанишкам и трясла головой:

– Ага, Мила, это самый чернозем. Он туточки возле детской площадки насыпан. Как есть он самый.

– Вот так, – дергала плечиком оскорбленная няня. – Мы с Мари гуляли, она грохнулась, и штаны все измазались. Не, я не поняла, вы чо – против, чтоб Мари бегала, нижние конечности развивала?

Олимпиада Петровна поджимала губы, брела в комнату к внучке, и оттуда уже доносилось ее приторное сюсюканье:

– А и кто же у нас в земельку навернулся, а? А и кто же это у нас такой бысленький?

И Дуся переводил дыхание.

Во вторник Дуся проснулся от очередного крика Олимпиады Петровны:

– Яков Глебыч!! Яша!! Я просто не понимаю – ну как так можно?! И он еще спокойно может на меня тарашиться! Нет, я определенно с загсом поторопилась, у тебя совсем не пылающие чувства!! Девочки!! Ну кто, черт возьми, сегодня няня?! Инга?! А вообще, где все?! Почему дома только ты с кастрюлями?!

– Нет, ну как же только я, – робко протестовала Инга. – Еще Евдоким Петрович спит, и Яков Глебыч душ принимает...

– Ах, я тебя умоляю! Этих тюленей я не имела в виду! Где Машенька?

Инга прилежно пояснила, что девочка накормлена и в данный момент совершает прогулку с няней Верой. А Милочка немножко отсутствует, потому что понеслась в книжный магазин покупать брошюры по воспитанию младенцев, для собственного, так сказать, научного роста.

– Какой там рост, – отмахнулась Олимпиада Петровна. – Небось опять за новыми колготками сбежала... Яков Глебыч!! И все же я не понимаю твоего спокойствия!! И как только у тебя сердце не выскочит от такого несчастья?!!

Дуся хотел было перевернуться на другой бок и благополучно заткнуть уши от мамашинского крика, но последняя фраза его насторожила – что это у них за несчастье образовалось? И еще в тот самый миг, когда все так благополучно начало складываться? Он, кряхтя и похныкивая, вылез из-под одеяла, накинул китайский халат, который отчего-то страшно линял и царапался, и побрел на матушкин голос.

Олимпиада Петровна восседала на кухне, нежно прижимала к груди маленькую собачку Душеньку (кстати, в доме псинку отчего-то упорно звали Дусей! Ну что за имечко, черт возьми!) и с самым скорбным видом пялилась в холодильник. Рядом навтыяжку торчала Инга и тревожно наблюдала за хозяйским взглядом. Несмотря на утренний час, девица была одета по полной форме, с укладкой, и даже присутствовал неброский макияж.

– Олимпиада Петровна, вы все на ногах, может, вам второй завтрак подать? – прилежно пробасила она.

– К черту завтрак!! Разве я могу сейчас что-нибудь есть, когда у нас в семье такое горе?!! – накинулась степенная дама на повариху. Затем она увидела сыночка и тоненько заголосила: – Дусенька-а-а-а! У мамочки такое несча-а-а-стье-е-е-е! Твоя мамочка па-а-а-аспорт потеря-а-ала-а-а-а!

Хозяйку немедленно поддержала собачка – задрав украшенную бантом голову, она тоненько, протяжно взвыла. Олимпиада Петровна крякнула, отпустила животинку с рук и продолжала уже более спокойно:

– Я стала в банк собираться, в сумочку его положила, я вот совершенно точно помню – положила в сумку паспорт этот, а в банк пришла, сунулась, а его и не-е-е-ету-у-у-у!.. Инга!! Ну чего глазами-то моргаешь? Чего моргаешь? Я спрашиваю – ты паспорт брала?!

Инга кирпично покраснела и просипела:

– Если меня здесь не любят, я, конечно, могу уволиться сама, но зачем же на меня какие-то паспорта вешать?!

Олимпиада Петровна откинулась на стуле и прикрыла глаза. Стул сочувственно скрипнул. Предстоял долгий и нудный процесс – восстановление паспорта, а времени совершенно не оставалось – надо было предъявлять паспорта в загсе, выкупать путевки, да и, наконец, просто снимать деньги с книжки!

– Яков Глебыч!! Ты там захлебнулся с горя, что ли?!! – крикнула Олимпиада Петровна жениха, который подозрительно долго не высовывался из ванной. – Я говорю: как ты только можешь плескаться в воде, когда у нас вся жизнь пошла под откос?!! Нет, я с тобой обязательно разведусь, ты просто бесчувственный статуй!!

«Статуй» решил, что, вероятно, отсидеться не удастся, нужно вылезать из укрытия и разделить с любимой горе. Вообще-то Яков Глебыч не любил неприятностей, ему было куда удобнее без них, но невеста уже решительно ломилась в дверь санузла, и Яков Глебыч сдался.

– Мышка моя! Я с тобой... я вот он... Инга, посмотрите, у меня мыла на спине не осталось? Господи, Липочка, я сейчас тебя утешу... Чем же утешить-то... Может, конфетку скушаешь? Обопрись на мое плечо, луковка моя...

Дуся с жалостью смотрел на длинного, сутулого Якова Глебыча – опираться на плечо в пору самому «утешителю».

– Так, мамань, рассказывай подробно, какая сволочь у тебя сперла паспорт? – сурово тряхнул могучим животом Дуся Филин.

Олимпиада Петровна суетливо уселась снова на стул и охотно принялась докладывать:

– Вот, Дуся, ты представь! Собралась я, значит, с утра пораньше в сбербанк. Утром народу меньше, думаю, с утра схожу. А потом и в загс, да еще и в турфирму – путевки офор-

мать. Ну и короче... Яков Глебыч!! Не смейте жевать, когда я докладываю о нашем горе!! Ну так вот. Взяла сумочку, аккуратненько уложила туда паспорт, кошелек, помаду, я вчера себе новую купила, совсем недорого и не размазывается, розовенькая такая, мне так к лицу... Кхм... так, про что же это я?.. Ага! Помаду, значит, сберкнижку и еще платочек носовой. И отправилась. Прихожу в сбербанк, руку в сумку-то сунула, сберкнижка там, а паспорта нет! Я все перерыла – нет!! Главное – кошелек там, сберкнижка тоже, даже помаду не тронули, да что там – на носовой платок не позарились, а паспорта нет! Стянули! Ой, я так расстроилась, я ведь такой скандал устроила в сбербанке, сразу попросила жалобную книгу и написала, что больше не буду у них хранить деньги, потому что... ну как же это?! Развели, понимаешь, грабителей! А если на мой паспорт кто-нибудь кредит возьмет?

Олимпиада Петровна ухватила за виски и закатила глаза к потолку – переживала.

– Мам, а ты по дороге в сбербанк никуда не заходила? – нахмурился Евдоким.

– Ой, ну куда я, по-твоему, могу пойти? Прямо в сбербанк! Только на пятнадцать минут в парикмахерскую заглянула – неприлично же без укладки появляться в денежном заведении! Да! Еще в секунд-хенд забежала, там сегодня как раз новое поступление. Ты же знаешь, Дуся, если сразу не забежишь, они все приличные вещи по собственным знакомым растащат... Ой, Яша! Я там тебе приглядела такой костюмчик на свадьбу! И-зу-ми-тель-ный!! Такой коричневый, в крупную желтую клетку, желтые пуговицы, очень молодежный вариант, помнишь, как раньше стилиги ходили? Необыкновенно модно смотрится. К нему можно такой галстучек подобрать! И стоит всего сто пятьдесят рублей, таких цен уже нет, а я...

– Мам! Ну какой костюм?! – прервал Дуся песнь о свадебном костюме. – Ты лучше вспомни – рядом с тобой никто не крутился?

Олимпиада Петровна наморщила лоб, потом лицо ее вытянулось, глаза сузились, и она трагично повернулась к сыну:

– Пра-а-авильно... Так и есть – крутился! Знаешь, Дусенька, такой мордатый мужик, рожа противная, глаза хитрые и все время по сумкам шныряют, и волосы такие... короче – никакие, лысый он. Точно! А рот так ехидно приоткрыт, вроде как улыбаться собирается, да еще нечему радоваться. Такая личность противная... Дуся, он прям вылитый ты! Так и есть, он и спер... Только где ж его найдешь-то в таком городе?

Дуся отчаянно махнул рукой:

– Даже если и найдешь, что ты ему скажешь? Отдайте мой паспорт? А он предложит тебе знакомого психиатра. Нет, мамань, старого паспорта тебе уже не видать...

– Спасибо, сыночек, утешил! Низкий тебе поклон, успокоил мать! – скривилась Олимпиада Петровна, вскочила и начала по-клоунски отвешивать поклоны.

Пока расстроенная невеста сшибала пышным задом стулья, Яков Глебыч задыхался от возмущения:

– Нет, позвольте! Как же без паспорта?! А наше путешествие?! Я даже не печалюсь о дальних странах, но... но хотя бы на Канары! И как же наше бракосочетание?! Мы и так уже бог весть сколько живем во грехе! Мне уже сны стали сниться вещие, там так и говорится – иди и регистрируйся, а то получается блуд! Прелюбодейство! А как же в загс без паспорта-то?!

Дуся почесал темечко:

– Ну... у нас в роддоме лежит на сохранении одна дама из паспортного стола, но так ведь все равно ж – даже по знакомству недели две ждать придется. Я, конечно, поговорю... Не, а чой-то вы всполошились? Ну поедете в путешествие на неделю позже, никуда путевка не денется, в любой момент другую можно купить. Деньги на жительство я со своего счета сниму, не проблема, а по поводу грехов... Так не грешите! Поживите недельку как брат с сестрой, подумаешь...

– Что значит – как брат с сестрой? – медленно разогнулась Олимпиада Петровна. – Да на кой мне такой братец? Он одной только колбасы за раз знаешь сколько уничтожает?

Яков Глебыч предложение Дуси тоже не одобрил. Он выпятил грудь колесом, быстро заморгал глазами и даже взвизгнул:

– Позвольте!! Но мой организм настроился на бурную супружескую жизнь! Полноценную! Я каждый день сметану ем!

– Во! Еще и сметану! – вскинулась Олимпиада Петровна и тихонько через плечо бросила Инге: – Завтра никаких колбас и сметан, наваришь бачок геркулесовой каши...

– Хорошо! – шлепнул ладошкой по столу Дуся. – Попрошу, чтобы сделали поскорее!

Такое решение всех устроило, жених с невестой угомонились и побежали в секонд-хенд смотреть новый костюм.

И все же паспорт восстановить быстро не удалось. Дама успела выписаться, а где и как искать новое знакомство, Дуся не знал. Но к тому времени Олимпиада Петровна увлеклась бассейном, дабы скинуть лишний вес, и в загс уже не торопилась. Она даже пришла к выводу, что отдохнуть можно и в их загородном доме. К тому же и Машеньку не придется надолго оставлять с непутевыми няньками. Няньками она была, конечно же, недовольна, но вот зато Дуся в них души не чаял. Особенно в Милочке. Вернее, в одной Милочке, остальных двух он просто не замечал. В один из дней он так осмелел, что даже пригласил Милочку в кино на «Гарри Поттера». Милочка согласилась, только пожалела об одном:

– А чой-то на дневной сеанс? Там же одна малышня!

– Так там это... на вечернем такой фильм не показывают... А я его еще не видел, прям с порядочными людьми и обсудить нечего... – смущенно покраснел Дуся и добавил: – И билеты днем дешевле...

Фильм он совсем не понял, потому что на экран практически не смотрел – Милочка придвинула к нему свои ножки, и Дуся весь сеанс напряженно думал – как бы так незаметно устроить свою руку на ее коленках. В конце концов он глубоко вздохнул, вжал голову в плечи и решительно шмякнул свою ручищу на аппетитную коленку Милочки. Вопреки ожиданиям, девушка не только не всполошилась, но даже не съездила ему по скуле. Мало того, она тут же доверчиво ухватила Дусю за руку и устроила свою рыжую голову на его плече. И тут вспыхнул свет – слишком долго ухажер решался, фильм уже закончился. Но влюбленная пара не слишком переживала. Они шли домой медленно, разбрызгивая сапогами лужи, Дуся надувался индюком от гордости, а Милочка прочно болталась на его руке. Теперь Евдокима Филина заботили две мысли: когда полагается приступать к более решительным действиям, то есть когда же, согласно правилам этикета, можно будет поцеловать Милочку в щечку, и еще – как бы так отлепить от себя Милочку возле дома, чтобы маменька не узрела ничего раньше времени.

Второй вопрос решил сам собой, причем самым невероятным образом.

Подходя к дому, парочка обратила внимание на небольшую толпу, которая беспокойно гудела возле их подъезда.

– Это чой-то они толкуются, а? – встревоженно заморгала девушка. – Помер кто-то, что ль? Дуся вежливо хихикнул, оторвался от руки Милочки и потопал быстрее.

На лавочке возле подъезда сидела Олимпиада Петровна с самым несчастным видом и отчего-то совершенно не шевелилась.

– Ма! Ну ты чего уселась-то? – кинулся к ней Дуся, стараясь не смотреть в сторону Милочки. – Меня, что ли, выглядываешь? А я на работе был, чего ты? Нет бы домой пойти, к телевизору, тебя уже Яков...

– Дуська! Ты к ей не подходи, она вся как есть заряженная! – пьяненько хмыкнул сосед с пятого этажа дядя Митя. – Уйди от ей!

– Чего это она зараженная? – обиделся за мать Дуся, но отпрянул. – У нас в доме никакой заразы не водится, я, между прочим, в медицинском учреждении тружусь, и ребенок у нас маленький, чего это ей заражаться?

– Глухая тетеря! Я гря – заря женная! Мина у ей. Бонба, – пояснил сосед, и тут же слаженным хором заголосили тетки-соседки.

– Ой, Дуся-я-я! И штой-то творщица-то-о-о-о!! Ведь Олимпиадушку-то, как шуку, взрывчаткой нафаршировали-и-и! Это как жа теперича жить-то? Вишь проводочки торчат? Это от мины!

Только тут Евдоким заметил, что по шее матери и в самом деле проходит тоненький проводок куда-то за спину.

– Мамань, так это правда, что ли? Ты заминирована?

Олимпиада Петровна сидела белая, как ее свадебное платье, и даже не плакала, а только дико таращила глаза да судорожно облизывала губы.

– Заминирована... – одними губами прошелестела она, и глаза ее вовсе вылезли из орбит.

– А в милицию звонили? – обернулся Дуся к соседям.

Те как-то попрытали глаза, и только дядя Митя вспомнил:

– Мы этого... Авдохина Пал Семеныча из тридцать девятой послали позвонить, а он куда-то пропал.

– А он и не собирался звонить! – раздалось в толпе. – Он быстренько побежал семью эвакуировать!

– Ой, а я-то чего?! – хлопнула себя по карманам старушка с первого этажа. – Надо ж тоже эвакуироваться! Щас Липу-то рванет, у меня аккурат все стекла вынесет. Дуся, милай, не знашь, ежли фанерой окошки заколотить – не поубиват?! Колька!! Ташши домой лист фанерной. Я возле мусорки видела, валяется!

Все как-то разом засуетились, заспешили по своим норам, и через минуту возле лавочки остались только Дуся с Милочкой да несчастная Олимпиада Петровна.

– Мамань, а ты сама никак? Не можешь разминироваться? – трогательно заботился сын. – Может, там спиной подергаешь или плечиками? Где у тебя мина-то?

Олимпиада Петровна только шлепала губами – что она говорит теперь, и вовсе невозможно было разобрать.

– Евдоким! Главное сейчас – не слишком беспокоиться! Ты вообще можешь сесть на лавочку и успокоить мать. Спроси, может, ей какое лекарство нужно? Виски ей помассируй, развесели ее как-то, а я сейчас в милицию позвоню, пусть приезжают, – распорядилась Милочка и вытащила сотовый телефончик.

Евдоким честно пытался маменьку развеселить – он строил потешные рожи, скакал, высоко задирая ноги, даже изображал танец черепашки – обычно это Олимпиаду Петровну приводило в восторг, но сегодня кто-то ей явно подпортил настроение. Она сидела, вытаращив глаза, и, точно балерина, что называется, держала спинку. И только один раз, когда Дуся сунулся к матери с массажем, она процедила сквозь зубы:

– Да вызывай же милицию, дебил!

Минер от милиции появился довольно быстро. Или правильнее будет называть – сапер? Это был серьезный молодой паренек в обыкновенном сером пуловере и джинсах. Если бы Дуся увидел его на улице, ни за что бы не подумал, что современные минеры выглядят так чистенько и интеллигентно.

– Что тут у вас? – быстро спросил парень и, не дожидаясь ответа, шагнул к бедняге. – Посторонние, отойдите на десять шагов. Отойдите, говорю!

Дуся с Милочкой шустро спрятались за куст черемухи, и Дуся, как бы в порыве страха, прижал к себе трепетное Милочкино туловище. Милочка тоже, как бы в порыве жуткого испуга, ухватилась за его шею так, что вовсе не было никакой возможности наблюдать, что там с маменькой вытворяет специалист по заминированным женщинам. Прошло минут пять, прежде чем раздался взрыв, разумеется, не бомбы, а маменькиной благодарности:

– А-а-а-й! Господи-и-и-и! Миленьки-и-и-и-й! Да какое ж тебе спасибо-о-о-о! Да ежли б не ты-ы-ы-ы! И где тебя столько времени носило, паразит?! Ежли уж устроился на такую работу, так не сиди в конторе своей колодой, а ходи, смотри! Ищи – кто в данный момент с миной на животе ходит!! Все делают спустя рукава, а мы – простые смертные – покрывайся сединами!! Кругом одни паразиты!!

Парень-минер только таращился на странную клиентку, потом с досадой махнул рукой и отправился по своим делам.

Дуся быстренько оторвался от Милочкиных объятий и шагнул к матушке – теперь был его выход:

– Мамань! Ну уже все, успокойся. Все прошло... Сейчас придем домой, я тебе налью рюмочку коньячка... Давай я тебе помогу сумки донести...

– Да какие сумки?! – выверилась теперь на него несчастная женщина. – Поможет он! Мне уже помогли! Новый Лилькин хахаль со второго этажа, как заметил, что я в заминированном состоянии, так сразу подскочил, сумки ухватил и понесся! Еще извинился, гад такой, вам, мол, Олимпиада Петровна, теперь есть и вовсе незачем, а нашей-то семье как нужно, как нужно! Я, дескать, ваши сумочки к своему холодильнику приспособлю! Я ему сейчас приспособлю!.. А ты где шатался, пока мать бомбами обкладывали?! И ведь середь бела дня!!!

Матушку едва удалось успокоить – Дуся просто затолкал ее в подъезд и напоявил:

– Так ты говоришь, это Лилькин ухажер наши сардельки варит?

Олимпиада Петровна соколом взлетела на второй этаж и заколотила в двери:

– Лилька!! Лилька, бесстыжая гадина!! Кого ты там нынче у себя на груди пригрела?! Немедленно скажи, как твоего нынешнего хахалья зовут, я пришла ему физиономию портить!! Открывайте, мародеры! У вас там моя провизия упрятана!!

Дверь распахнул этот самый хахаль в изрядно выпившем состоянии и, сыто икнув, удивился:

– Ой! Как-кие люди! А вас чего – не разнесло? А мы уж с Лилюшкой за упокой вашей...

Тут же выскочила сама легкомысленная соседка, оттолкнула сожителя и быстро затарахтела:

– Олимпиада Петровна, как вы чудесно выглядите! А мой обормот придумал, что вас кто-то хотел на воздух послать! Вот идиот! А вы за сумочками, да? Вот они, в цельности и сохранности. Правда, кое-чего не хватает, но... мы возместим! Мы ж не знали...

Олимпиада Петровна приготовилась к ответной содержательной беседе, но Дусик молчком выхватил пакеты и, взяв маменьку под локоток, попер ее на свой этаж. Сзади оскорбленную женщину тычками подталкивала Милочка.

– Я вам покажу, как у честных женщин последний хлеб воровать!.. – кричала Олимпиада Петровна, отбрыкиваясь от сына. – Я еще устрою вам заминирование!! Вы у меня в туалет, как по минному полю, ходить станете!!! Дуся!! Да отпусти ты меня, я им еще ничего не сказала – кто они на самом деле!

Успокоилась потерпевшая только поздно вечером, до этого она буквально ни на минуту не отходила от внучки, терзала собачонку и смотрела на своего сына печальными глазами человека, который вот-вот должен покинуть этот бранный мир. Пришлось отпаивать ее коньяком, чаем с малиновым вареньем, валерьянкой и просто снотворным. В конце концов, когда ударная доза снотворного свалила даму с ног, все утерли со лба пот.

– Евдоким, я готов! – серьезно, как на государственных экзаменах, заявил Яков Глебыч. – Я готов ко всему! Я понимаю, что творится нечто удивительное, но... может быть, мне кто-нибудь прояснит ситуацию?

– Ой, господи, да кто вам прояснит? – сморщился Дусик. – Мы сами ничегошеньки не соображаем! Сейчас маманя проснется...

Вообще-то он имел в виду совсем не это. То есть он не собирался в тот же миг бежать и будить родительницу, но Яков Глебыч понял его именно так. Он подскочил к храпящей невесте и принялся трясти ее, как осеннюю грушу. Олимпиада Петровна, которую едва уgomонили, на руки милого отозвалась немедленно – она распахнула глаза и невнятно замычала.

– Липушка, крылышко мое, мы тебя вызываем на допрос, ну открой глазки, – ласково щерился любопытный мужчина.

– Яша... ты мне в каждом кошмаре снишься! Пошел вон... – отчетливо проговорила любимая и снова провалилась в нездоровый сон.

Однако сон ее уже был нарушен, и в то самое время, когда домочадцы после тяжелого дня устраивались в своих спальнях, она появилась в гостиной и трубно завопила:

– Меня в этом доме собираются кормить?! Зря, что ли, я такую гвардию прислуги держу?!!

На ее крик выбежали все, включая маленькую собачонку.

– Олимпиада Петровна, вот пирожки с капустой, час назад пекла, с молочком не хотите? – суетилась Инга. – Яков Глебыч, вы тоже будете? Вы же ели уже!

– Я не ел! Я только молочка попил! – дернул головкой мужчина, мостясь возле невесты.

– Ну как же только молочка! Были еще пирожки с луком и яйцами, вы все выкушали!

– Это вовсе не я! Это... Олимпиада Петровна! Только она ничего не помнит!

Когда вошел Евдоким, перебранка утихла, все уселись за стол и примолкли – понимали, сейчас, может быть, что-то прояснится по поводу странного случая с миной. Пришли даже две няни – Милочка и Вера.

– Маманя, ну теперь говори: как это ты, опытная женщина, позволила себя заминировать? – строго спросил Дуся. – Почему не кричала? Ведь на улице был день-деньской! Тебе кто-то угрожал?

Олимпиада Петровна как-то забегала глазами, потом легонько поправила прическу и торопливо согласилась:

– Да, сынок! Он мне угрожал! Пугал!.. Только, знаешь... как-то изощренно! Я сначала и не поняла ничего... Но пугал и угрожал!

– Мамань! Говори все начистоту: ты завела себе нового обожателя? Он засыпал тебя комплиментами, а после взял и повесил тебе на загривок бомбу? – нахмурился Дуся.

Яков Глебыч судорожно дернул кадыком и напрягся. Олимпиада же Петровна возмущенно вытаращила глаза и запыхтела паровозом:

– Дуся! Ну как?! Как тебе такое пришло в твою репу? Господи прости, в твою голову?!! Это ж надо так... Яша, не сверли меня глазами, ты сразу напоминаешь мне хорька! И не на загривок, а в область поясницы... И вообще все было по-другому!

Оказалось, что Олимпиада Петровна вовсе и не думала заводить никакого романа! Самое обидное, что с ней тоже никто не думал. Она попросту тащилась из магазина с сумками и уже вроде бы подошла к своему подъезду, как невесть откуда выскочил волосатый и бородатый молодой мужчина с черными очками на носу.

– Вот это наконец то, что я ищу весь последний час! – обрадовался он и кинулся к женщине.

Олимпиада Петровна по наивности подумала, что парень имеет в виду бутылочку оливкового масла, оно отчего-то пропало с витрин их магазина.

– Это я в супермаркете брала, на Тельмана, – доверчиво пояснила она, но парень скакать возле нее не переставал.

– Я знаю, что на Тельмана! – чуть не хлопал он в ладоши. – Мне именно этот супермаркет заказал народную рекламу! Сейчас я вас сфотографирую прямо с этими фирменными пакетами... Вы их вот так сюда поставьте, чтобы хорошо видно было, а за это в подарок я вам вручу сотовый телефон!

– Пряма-таки телефон? – не поверилось Олимпиаде Петровне.

– Ну а как же! Вы же знаете, сколько сейчас платят рекламодатели!.. Так, давайте не будем терять времени... Вот на эту лавочку садитесь... прямее спинку держите... Та-а-ак... Сумочки вот сюда... А сейчас... Нет, подождите, я вам на шейку провод от микрофона прицеплю... А теперь на спинку...

– Ой, – по-девичьи хихикнула дама. – Мне щекотно. Куда вы лезете, бесстыдник, что вы там потеряли?

– Успокойтесь, я просто закрепляю устройство... микрофон закрепляю... та-а-ак...

Зачем нужен был этот микрофон, когда ее собирались шелкнуть обыкновенной «мыльницей», Олимпиада Петровна спросить забыла, она покорно застыла на скамейке, пытаясь улыбнуться как можно очаровательней.

Мужчина возился несколько минут, а когда все проводки были прикручены, его будто подменили. Льстивая пруть куда-то исчезла, зато появилась надменная усмешка, это Олимпиада Петровна усмотрела даже через бороду ее нового знакомого. Она только собиралась поинтересоваться – чем вызвана такая перемена, как мужчина пришлепнул ей на грудь бумажку:

– Вот! Читайте – «Заминировано!». А вообще лучше бы вам не читать, вам сейчас держаться запрещено.

Олимпиада Петровна скосила глаза и увидела бумажку. Так и есть!! «Заминировано!» Губы вмиг пересохли, а в ушах отчетливо послышалось тиканье, где-то там, за спиной, где ковырялся этот проклятуший «рекламист».

А тот, между тем, неторопливо отошел в сторону и с глубоким сожалением проговорил:

– И чего вам не уезжалось, а? Ведь хотели же в путешествие? Теперь уже только на небеса обетованные. Жаль, могли бы еще долго небо коптить...

И ушел. А Олимпиада Петровна осталась на лавочке слушать, как мерное тиканье отсчитывает ее последние секунды. Правда, вскоре на горизонте появилась соседка с пятого этажа – пошла встречать внучку из школы, и у Олимпиады Петровны мелькнула надежда. Однако соседка поздоровалась, прочитала записку и принялась верещать на весь двор. Мысль о том, чтобы вызвать милицию или МЧС, ей даже не пришла в голову. Олимпиада Петровна пыталась было прошептать ей – сходи, мол, позвони. Но женщина, увидев, как заминированная шевелит губами, тут же разразилась еще большим криком:

– Олимпиада!! Даже не думай шелохнуться!! Закрой рот, говорю! Ты сейчас полквартила снесешь своим языком!! Господи!! Ну почему ее просто не застрелили потихоньку?!! Нас-то за что?!

Несчастливая женщина на скамейке тоже хотела бы знать – за что ее, но спросить было опасно. Да и не у кого. Ну а потом уже на крик сбежались и остальные.

– А дальше ты знаешь, – закончила невеселый рассказ Олимпиада Петровна, уминая последний пирожок.

– Да... Потом прибежали мы... я то есть... Тут же случайно оказалась Милочка и вызвала милицию, – припомнил Дуся. – Вернее, не милицию, а минера.

– Интересно знать, откуда она знает номер телефона этого минера? – скривилась Инга.

Все обернулись к Милочке.

– А и правда – откуда? – подозрительно поджала губы страдалица.

– А я и не знаю, – нисколько не смутилась девчонка. – Я просто взяла и позвонила в милицию. А те спросили – что, мол, у вас там стряслось? Ну я и рассказала! Это они уже сами сапера послали. Мне вот тоже очень любопытно – почему это все соседи из своих домов повыскакивали, а Инга так и не вылезла? Могла бы из окошка посмотреть, между прочим. Тогда бы сразу увидела, что на лавочке сидит наша хозяйка с бомбой на шее, и сама бы в милицию звякнула. И не пришлось бы вам, Олимпиада Петровна, столько времени нас ждать... Хотя, может, она и выглядывала, может, и видела...

Теперь все взгляды уперлись в покрасневшую Ингу.

– Ну? – сурово рыкнул Дуся. – Чего не выглянула?

Повариха возмущенно поводила глазами, а потом ткнула Евдокиму в нос сковороду с котлетами:

– Вот! Я занималась вот этим! Некогда мне по окнам заглядывать да по киношкам с молодым отцом носиться! Я котлеты жарила! А когда они на сковороде лежат, они так шипят, что я сама себя не слышу! Олимпиада Петровна! Помните, вы мне предлагали телевизор включать, когда я варю? Ну чтоб мне не так одиноко с этими кастрюлями было, помните? А я вам что ответила, помните?

Олимпиада Петровна не помнила. Она недоверчиво щурила глаза и поджимала губы.

– А я вам ответила, что никакого телевизора мне вовсе не надо включать, потому что, когда здесь все шипит и шкворчит, я все равно ничего не слышу, помните же! Яков Глебыч меня тогда еще глухой тетерей назвал!

Пришлось согласиться. Яков Глебыч Ингу тетерей называл неоднократно, и глухой, и всякой разной. Олимпиада Петровна совсем уже было перевела свой взгляд на серенькую Верочку, но та торопливо заговорила:

– Вы на меня даже не смотрите! И даже не говорите ничего! Мы с Машенькой ходили в поликлинику, сразу предупреждаю. Мы вообще пришли, когда вы уже дома коньяки хлестали.

– А я, Липушка, и вовсе в ванной был! – не дожидаясь вопроса, сообщил Яков Глебыч. – Мне тебя минировать ни к чему, мы еще с тобой даже не расписаны! Меня и вовсе подозревать глупо.

– Стоп! – прекратил все прения Евдоким. – Никто никого ни в чем не подозревает. Будем искать настоящего преступника. Я уже умею это делать, как-никак два раскрытых дела. Милочка, вы мне будете помогать. Остальным – спать. Милочка, пройдемте разрабатывать план расследования, мне требуются свежие соображения...

Инга обиженно фыркнула и, дернув костлявым плечом, поспешила в свою комнату. Яков Глебыч торопливо закивал головушкой и потянул за руку невесту, но та никак не соглашалась идти к себе.

– А мне что делать? – все еще волновалась она. – А вдруг меня завтра опять на лавочке того... заминировуют?

– Маманя, тебе надо срочно уезжать, – почесав переносицу, решил сын. – Ты же явно слышала – мужик тот в очках очень переживал, что ты не уехала. Поэтому не будем его больше травмировать. Завтра же пойдешь в турагентство...

– Так мне ж паспорт еще не сделали! – со слезами на глазах воскликнула та. – Куда мне?! И потом... Я просто не могу уехать! У меня же Машенька! Ну как я ее оставлю, когда здесь такое творится?!

– Маманя! Паспорт ты получишь через неделю! А сейчас активно собирайся! И вообще! Зря мы, что ли, кормим этих нянь?! Мы их для Машеньки и нанимали! – наседал Дуся, хотя и сам был не уверен – нужно ли маменьке оставлять Машку в таком неблагонадежном месте. – Мамань, я все придумал – на кой фиг тебе ехать куда-нибудь за границу? Ну зачем тебе менять климат, ты ж ведь тоже уже не девочка, старый – что малый. Короче, я тебе покупаю путевку в наш санаторий на озере Шира. И недалеко, и недорого. И с Манькой можно. А пока можешь по магазинчикам пробежаться, в парикмахерские сходить... А лучше всего – не высовывайся из дома. И тебе спокойнее, и мне не так накладно.

Все разбрелись по своим комнатам, но думать у Дуси так и не получилось, быть может, потому, что ему помогать отправилась Милочка. Неизвестно, что себе вообразила эта девица, но едва за ними хлопнулась дверь, как она стала игриво выгибаться и усаживаться в самые неприличные позы.

– Милочка, я тебя пригласил...

– Мррр? – томно закатила глазки девчонка и оголила коленку.

– Ну чо мрр-то? Я говорю – дело-то серьезное, – нахмурил брови Дуся. – И нам сейчас совсем не время выгибаться!

– А чой-то не время-то? – не согласилась Милочка. – Опять, что ль, не время? Не, ну я у вас столько уже парюсь, а только на кино и раскрутила! Ты, Дуся моя, меня совсем, что ль, никак не любишь? А на кой черт тогда к себе в комнату зазывал?

Дуся действительно что-то такое имел в виду, но еще пять минут назад выкинул эту крамольную идею из головы. Разве можно думать о чем-то непозволительном, когда над его семьей висит такая опасность?! Так ведь и его самого, чего доброго, заминировать могут. Поэтому сейчас он с искренним негодованием вытаращился на подругу, раздулся мыльным пузырем и возмутился:

– Да как ты не понимаешь! На маманю сегодня покушались! Хотели, чтобы ее вовсе разорвало! И мы с тобой должны отыскать этого негодяя!

– Не, ну нормально! – перекосило Милочку. – А чой-то я должна-то? Не меня ж хотели! И потом – чой-то его искать, негодяя-то? Он же ясно сказал: уезжай к едрене фене – и все будет пучком! Вот и пусть уезжает, кого искать-то?

Однако Дуся был настроен вовсе не так легкомысленно. Пришлось отправить Милочку почивать, а самому морщить лоб, пытаясь вспомнить, кому так успела надоесть матушка, что ее попросту захотели распылить. Конечно же, как всегда бывало с Евдокимом Филиным, по его требованию ни одна порядочная мысль не высветилась, и уснул он с крайним неудовольствием, зато с твердым решением – отправить матушку из дома куда подальше.

Глава 2

Своя рубашка ближе к делу

Яков Глебыч с утра решил заняться трудоемкой работой, то есть отправиться за покупками. Сегодня было решено, что Олимпиада Петровна никуда не выходит, а сидеть дома и слушать ее стенания по поводу заключения было выше его сил. Работой жених обременен не был, а потому не мог сбежать от бедной невесты на службу, вот и решил пройтись по магазинам.

– Рюмочка моя, я ненадолго отлучусь – бегу покупать костюм, который ты мне приглядела, так не терпится войти с тобой в зал бракосочетаний! – защебетал Яков Глебыч, когда Олимпиада Петровна в очередной раз протрубила, что ей требуется нежное утешение. – Я недолго. А ты пообещай мне, что не будешь скучать! Ну, булочка моя, я жду!

Булочка сочно шмыгнула носом и смилостивилась:

– Ладно, обещаю, не буду скучать... Ну чего ты еще ждешь?

– Так я денег жду! Ты ж говорила – надо костюм купить! И потом я запросто могу сбежать за продуктами. Я знаешь какой хозяйственный!

Олимпиада Петровна нехотя побрела в спальню, выудила откуда-то сотенную бумажку, сунула ее в протянутую руку кавалера и устроилась перед телевизором:

– Ступай, любовь моя.

– Не... а чего так мало-то? Ну, какой же костюм можно сейчас купить на сотню? – капризничал любимый.

– В клеточку, я же тебе говорила, стоит сущие копейки, тебе хватит. А за продуктами у нас Инга сбегает, ты все равно в них не разбираешься. Ну ступай, я буду за тебя волноваться.

Яков Глебыч, проклиная в душе бережливость избранницы, вяло пошагал в магазин. Он бы и вовсе не пошел, если бы в кармане у него не запряталась более ценная купюра – он ее приберег на черный день, и сейчас, ко дню свадьбы, эти деньги были ему как раз кстати.

Секонд-хенд, где Олимпиада Петровна присмотрела для него торжественный наряд, находился не слишком далеко, и минут через двадцать мужчина уже перебирал вешалки с одеждой. Нет, что ни говори, а порядочного костюма он для себя не находил. Тот, который понравился невесте, он отмел сразу же – ну что это за блажь, в самом деле?! Брючки коротенькие, едва щиколотки прикрывают, пиджак в канареечную клетку смотрелся и вовсе вызывающе. Кажется, Липа говорила что-то про лимонный галстук? Нет, кем-кем, а клоуном на собственной свадьбе Яков Глебыч скакать не собирался, уж кое-какой вкус у него имелся.

– Девушка, а покажите мне вон те джинсы... нет-нет, те, черненькие, вельветовые... ага, вот их... – нашел он наконец то, что нужно.

Вельветовые джинсы были впору, и нижние конечности Якова Глебыча немедленно приобрели некий молодежный вид.

Тут же пришлось добавить к ним и темно-синюю рубашку.

Стоя в примерочной, Яков Глебыч буквально не мог оторвать от себя глаз.

– Слышь, мужик, подвинься чуток, – втиснулся к нему за штормку раздетый мужчина.

На незваном госте кроме трусов и носков был только щедрый волосяной покров. Яков Глебыч не на шутку разволновался.

– А, собственно, в чем дело? Я никого не трогаю! Спокойно люблюсь обновой, а вы... Ой, да куда вы влезли, я ж еще не вышел! Хамство какое! Теперь подумают о нас черт-те что, а у меня, может быть, свадьба! И учтите, любезнейший, с женщиной!

– Да чего ты разорался-то? – шикнул мужик. – Я на тебя не зарюсь, я сам, может быть, тоже того... от женщины... Ты это... понимаешь... тут такое дело...

Яков Глебыч уже рванулся из примерочной, но странный мужчина ухватил его за рукав новой рубашки и горячо зашептал:

– Да погоди ты бежать! Ну чего ты, не можешь помочь собрату? Сам скоро такой же будешь, когда женишься. Тут понимаешь, что вышло... Короче, меня Степой звать. Ну и пришел я к Вальке, муж у ней на работу утопал, а я, значит, к ней. Ну мы всегда с ней встречаемся, когда он на работу сматывается, любовь у нас с Валькой нежная. И всегда все нормально, а сегодня прям напасть какая-то! Только я к Вальке нагрязнул и стал эту самую нежную любовь проявлять, как вернулся ее муж. Ну ты чего, анекдотов никогда не слышал? Вот и у нас по тому же сценарию. Явился ее Юлий. Прикинь – у нее мужа так зовут! Не Юрий тебе какой-нибудь, а Юлий! Слесарем работает. Ну и приходит, значит, слесарь Юлий домой, а там я! А он же с разводными ключами! А может, и вовсе трубу какую импортную в дом припер – свистнул у кого-нибудь. И как против той трубы? В общем, к нашей теплой встрече я не подготовился, даже, наоборот, в одних трусах остался. Я почему-то сразу подумал, что Юлик меня не поймет. Прям каким-то шестым чувством. Короче, пока он ключом в замке ворочал, я на балкон и вниз! Она как раз над этой богадельней живет – Валька-то – на втором этаже. И все так удачно у меня вырулилось – спрыгнул, даже ушибов не обнаружилось. А уж когда приземлился, опомнился – батюшки! И куда ж я в таком прикиде? Думаю, может, чего по дешевке купить удастся? А чего купишь, когда все мои деньги с карманами у Вальки остались! И хоть бы у кого попросить до полочки сотенную! Девчонки продавщицы сразу отказали. А тут смотрю – ты себе тряпья понабрал, значит, деньги имеются. Слышь, друг, дай в долг, а? Ну не идти же мне голышом! Сам на моем месте окажешься, тебе тоже кто-нибудь поможет.

Яков Глебыч нервно царапал себе грудь через новую рубашку. С одной стороны, мужику требовалось помочь, иначе – как же мужская солидарность? А с другой... Ну не было у него свободных денег! Только ведь не признаваться же в этом первому встречному. И все же он нашел замечательный выход.

– Денег я вам дать не могу, не привык рублем баловать, но... – он многозначительно подмигнул голому мужчине. – Если вас устроит мой собственный наряд...

– Ой, да мне бы только до дома добраться, чего ж не устроит! – с жаром заверил неудачливый любовник. – Мы с тобой вроде и росточка одного... Ну-ка, давай я прикину...

И старая рубашка Якова Глебыча, и его штаны новому знакомому подошли замечательно. Правда, брюки были чуть коротковаты, но этого почти совсем не было видно.

– Ну как? – лучился от счастья мужик. – Хорош, да? Ой, Валька б меня увидела, умерла б со смеху!

Возле кассы Яков Глебыч подробно рассказал продавцам, что пожертвовал свой старый костюм на благотворительность, поэтому попросил нового знакомого не задерживать. Его и не задержали – окрыленный, он выскочил из магазина, а Яков Глебыч еще рассчитывался за свои покупки, одновременно размышляя, не слишком ли он торопится с женитьбой.

Как бы там ни было, из магазина он вышел в самом прекрасном настроении – всегда приятно ощущать, что у кого-то положение еще более дурацкое, чем у тебя. И даже тогда, когда он увидел эту огромную страшную машину, на его лице все еще блуждала идиотская улыбка. Только где-то екнуло сердце, кажется в животе. Никогда еще Яков Глебыч не видел так отчетливо, как за человеком гонится автомобиль. Темный джип несся прямо на... Степу, на нового знакомого. Видимо, здорово мужик насолил этому Юлику, потому что автомобиль несся с совершенно четкой целью – догнать! Это было видно даже невооруженным глазом. И сам Степа понимал, по чью душу эта погоня, потому что летел изо всех сил обратно к магазину, спрятаться. Однако не успел – тупая морда автомобиля пригвоздила его к стене. Раздался дикий вскрик, джип тут же развернулся и мгновенно умчался, поднимая клубы пыли, а возле стены в нелепой скрюченной позе остался недвижимо лежать Степан в одежде Якова Глебыча.

Сам Яков Глебыч стоял, точно изваяние, – он даже дышать не мог, только судорожно хватал воздух ртом и пытался закричать, но крик застрял где-то в глотке. Из ступора его вывел звонкий голос откуда-то сверху:

– Убили! Господи! Нет!!! Там кого-то убили! Боже мой, кого там задавили?!! – это кричала приятная женщина в цветастом халате, который то и дело распахивался, обнажая аппетитные формы. – Юлий! Ну беги же – узнай!! Нет! Беги, звони в милицию!

– Валюша, уйди с балкона, тебе совсем не нужно расстраиваться, уйди... – послышался заботливый мужской голос, который тут же перешел в гневный окрик. – Да затолкайся ты в дом!! Чего раздетая на всю улицу орешь?!! Хоть бы платье какое накинула!!

Яков Глебыч рассудительно предположил, что сейчас приедет милицейский наряд, начнутся вопросы, допросы, и решил попросту сбежать. Ну ни к чему ему всякие незапланированные милицейские свидания. Поэтому, собрав в кулак остаток воли, он живенько потрусил подальше от недоброго места.

Домой он доплелся еле живой.

– Вау-у-у!! – тринадцатилетней модницей воскликнула Олимпиада Петровна, увидев его в новом вельвете. – Дуся! Немедленно посмотри, с каким женихом я отправлюсь в загс! Яша, тебя так бледнит этот синий цвет! Ты в нем так трепетно выглядишь, прямо весь дрожишь! Дуся же!!

Яков Глебыч не стал дожидаться комплиментов еще и от Дуси. Он прополз в ванную и вышел оттуда только через полчаса.

– Яшенька, – поджала губы Олимпиада Петровна, не подозревая о том, что творится в душе возлюбленного. – Я вот хотела еще до свадьбы обговорить с тобой время пребывания в ванной! Мне кажется...

– Сегодня на моих глазах убили человека, – горько перебил ее Яков Глебыч. – И я с ним был почти знаком! Почти близко. Его звали Степой...

У Дуси округлились глаза, в последнее время что-то больно часто стали появляться недобрые вести. Даже если они и касались кого-то чужого.

Олимпиада Петровна быстро плюхнулась на диван и торопливо заговорила:

– Яша! Немедленно рассказывай все! Сейчас как раз никого из нянь нет, давай говори.

– Ой, Олимпушка... Я столько перетерпел! Сейчас расскажу... А девочки не вернуться? Очень уж не хотелось бы их тревожить таким рассказом, – простонал Яков Глебыч. – Дуся, принесите мне крошону.

Дуся почесал переносицу и обратился к матери:

– Мама, ты его попроси, пусть не выпендривается, а? Я даже слова такого не знаю – крошон, как я принесу-то?

– Яша! Я тебе ставлю на вид! Рассказывай немедленно! Девочки еще не скоро придут: Инга понеслась по магазинам, а Верочка с Милой прогуливаются с Машенькой. И еще не вздумай утаить – где ты взял деньги на такие дорогие шмотки. Я прекрасно помню их цену!

Напоминание о ценах чудесным образом развязало язык Якова Глебыча – он начал торопливо рассказывать про страшное происшествие, и слова из него полились с бульканьем и прихлебыванием.

– Вот так человек и пострадал за любовь, – закончил он печальную повесть. – И ведь ничего никому плохого не сделал, всего-то к чужой жене наведалься!

– Это вам, кобелям, наука – не шастай по чужим женам, если у тебя дома своя имеется! – назидательно изрекла Олимпиада Петровна. – Я вообще не понимаю – отчего этот Юлиан... Юлий так долго с замком возился? Надо было сразу ворваться и прилепнуть распутников на месте. Я вот думаю, Яшенька, это виденье тебе специально перед свадьбой кто-то свыше устроил, чтобы ты даже в мыслях... даже в мыслях!..

– А я вот думаю... – пробасил Дуся и начисто разнес всю маменькину теорию: – Я вот думаю, любовь здесь вовсе ни при чем.

– Ну как же?! – одновременно воскликнули престарелые влюбленные. – А из-за чего тогда?!

Дуся важно прошелся по комнате, почесал темечко и, не торопясь, пояснил:

– Если за любовь, то этого Степу должен был прикончить этот... как его... Юлий, так ведь? А вы, Яков Глебыч, сами сказали, что на балкон выскочила дама и попросила Юлика позвонить в милицию, так?

– Да чего ты его спрашиваешь, конечно так, – вместо любимого ответила Олимпиада Петровна. – Я только не понимаю – за что это парня могли так жестоко среди бела дня... Что он такого сделал?

Евдоким легкомысленно пожал плечами:

– А я и вовсе считаю, что это не Степу хотели придавить, а Якова Глебыча.

– Ме... Меня? – робко икнул жених и вяло обвис на подушках дивана.

Олимпиада Петровна скоренько отхлестала его по щекам и обратилась к сыну:

– Дусик, ну разве так можно? Ты же чуть не угробил своего будущего папашу! И вообще объясни подробно, с чего ты решил, что Яшу?

– Н-ну... – старательно замычал Дуся. – Я еще не знаю причины, но... А чего думать-то? Степан переоделся в ваши тряпки, не успел выйти из магазина, а на него уже машина мчится. Понятно же – Юлик не успел бы придавить, а потом вернуться к супруге, дома он был. А вот если кто-то охотился за Яковым Глебычем...

– И вовсе не за мной! – петушком выкрикивал бедняга. – Может быть, у того Степана была целая рота любовниц?! Может, это чей-то неизвестный муж?! Тем более что я видел, кажется, за рулем мужчину!

– Эка невидаль! А никто и не говорит, что за вами охотится женщина, – не соглашался Дуся. – Уезжать вам надо. И срочно.

Яков Глебыч больше не стал капризничать, он понесся в свою комнату и через минуту уже выскочил оттуда с огромным чемоданом.

– Все. Я готов. Куда едем?

Олимпиада Петровна буквально онемела от такого предательства.

– Дуся! Что он делает?! Куда намылился этот пучок недоразумений?! Он что – сматывается?! Яша!! Брось сейчас же мой чемодан! Там мое нижнее белье! Я его упаковала для своего отъезда! И вообще! Я еще не получила паспорт!

– Ничего, ирисочка моя, не беспокойся за меня, – заблестел глазами Яков Глебыч. – Я могу и один. Что мне сделается? Я знаешь как умею прятаться – о-го-го!

– Какое еще «о-го-го»?!! А я?! – взревела ирисочка раненым бизоном. – А наша свадьба?! Вот на днях получу паспорт... Дуся, мать твою!!! Почему мне еще не вручили документ?! Что за знакомство ты такое нашел, что меня сознательно не выпускают из города?!

Дуся даже не стал оправдываться. Он метнулся в комнату, залез в тайничок и вытянул несколько крупных купюр. Ни минуты дольше он не стал задерживаться дома – беда подступала как-то совсем уж близко к его родным, надо было действовать, а для этого мать и Машеньку нужно срочно отправить в безопасное место. Черт, и кто же так хочет, чтобы они уехали? И для чего?! Ограбить, что ли, хотят? А может, чем черт не шутит, охотятся за самим Дусей?

В паспортном столе ему попала на редкость коварная дама. Сначала она выудила у Евдокима все деньги, потом туманно пообещала содействие, а затем торжественно объявила, что паспорт Олимпиада Петровна Филина сможет получить послезавтра до двенадцати часов. По обычной очереди, без дополнительного капиталовложения, этот документ госпожа Филина могла получить тоже послезавтра, однако ж после четырнадцати ноль-ноль. Времен-

ная и денежная разница впечатляла. И все же Дусик уже ничего не смог поделывать – ускорить процедуру дама была не в состоянии, а деньги возвращать отказалась наотрез.

– Да и ладно, завтра еще как-нибудь дома пересидят, зато потом... – бубнил себе под нос Евдоким, поднимаясь на свой этаж.

Все равно он сделает матери этот паспорт, а затем вплотную приступит к расследованию. Хотя нет, прямо с завтрашнего дня, да, вот так.

Дома царила тихая паника. Яков Глебыч с упоением рассказывал про утренний случай Инге, Верочке и Милочке и смаковал каждую подробность. Мало того, теперь он дополнял рассказ вскриками, вскидывал руки к потолку, кое-где даже рычал для спецэффекта и бегал по комнатам, подобно джипу-убийце. Неизвестно, чего добивался почтенный муж, но в конце его рассказа тихая и скромная Верочка Прохорова проявила железную силу воли – она быстро упаковала сумки и бодро направилась к двери. Как выяснилось минутой позже – к себе в деревню. Только у самого порога скромно притормозила:

– Спасибо вам на добром слове, а я лучше к себе в деревню. Сегодня еще успею на автобус. Только деньги мне выдайте за те дни-то, что я с девчушкой сидела, мне они не лишние будут, деньги-то.

Олимпиада Петровна лишилась дара речи. Несколько минут она молча, с вытаращенными глазами разводила руками и шлепала губами, и только потом ее прорвало:

– Верочка!! Какие деньги?!! Что вы себе позволяете?! У вас еще не закончился контракт! – возмущенно кидалась Олимпиада Петровна красивыми словами. – Кто же будет нянчить Машеньку? Вы не можете бросить ребенка на произвол судьбы!

– Нет уж, вы меня не держите, мне этот ваш город всю печенку проел, – обстоятельно объясняла Верочка. – Машенька у вас, конечно, славная, но только я еще и своих хочу понянуть. А с вашими заморочками я тут долго не проживу! То какие-то мины пихают, то машинами насакаивают, нет уж, извольте. Я уж лучше у себя в деревне. Там на меня ни одна лошадь не кинется!

Яков Глебыч понял, что переборщил со страшилками, поэтому старался теперь все обернуть в шутку:

– Ой, я не могу! Гы-ы-ы, гы-ы-ы! Верочка! Ну куда вы собрались? Чего испугались? Подумаешь – машина дяденьку задавила! У нас вон по телевизору показывают, что каждый день в городе не только давят, но и убивают, насилюют, грабят... Чего бояться-то? Эка невидаль! У нас тут недавно в соседнем доме старушку задушили, так теперь чего нам...

– Яша!! Какой черт тебя за язык тянет?!! – вскинулась Олимпиада Петровна. – Верочка! Не слушай этого недоразвитого! Кстати, телевизор тоже не включай... А ты знаешь, к нам в город приезжает певица! Да! Помнишь: «Я буду честно, честно твоя невеста, тесто...» Ну что-то про свадьбу, я уж точно не помню...

– Вер, ты чо?! – набычилась Милочка. Она, как никто, понимала, что с отъездом этой деревенской серой мышки все заботы о Машеньке улягутся на нее. – Ты ж замуж здесь собиралась?! За миллионера. Прописка, все дела...

– Не надо мне никакой прописки! И невесты никакой не надо! Я домой хочу, пока еще жива! – топнула ногой Верочка и молчком поперла свою сумищу к двери. Возле самого порога она обернулась. – А таких миллионеров мне и даром не хочется – еще неизвестно, есть ли у его такие миллионы, за которые мне башку снесут. И на рожу он страшный.

Это был уже камешек в Дусин огород, и терпеть такие выпады он не собирался.

– Ступай, Верочка! – картинно поднялся он, вытянул руку и трагически заявил. – Прощай, милая... пастушка... и пастух... Наш город не пал к твоим ногам! Поэтому... уноси ты эти ноги куда подальше. Эх, не тянется молодежь сейчас в город, так и бежит в деревню. Ступай!

– Ага, «ступай»! А деньги? – упиралась настырная Верочка.

Евдоким молчком полез в глубокий карман брюк, вытащил кошелек и отсчитал девушке несколько бумажек.

– Все! Теперь ты можешь смело подаваться на волю, к крупному рогатому скоту...

Верочка хотела уточнить, что вовсе не к скоту, а к маменьке, но молча затолкала деньги за пазуху, захлопнула двери и понеслась вниз по лестнице.

– Ну?! – грозно надвинулась на будущего супруга Олимпиада Петровна. – Прогнал девку? Чего сидишь-то теперь? Слышишь же – Машенька проснулась, плачет. Бегом кормить ребенка!! Да, и не забудь поддержать ее над горшком!

Яков Глебыч криво хихикнул, но перечить не осмелился.

Вечером и хозяйева и няни находились в гостиной, глупо пялились в телевизор и как-то все вместе, по-родственному размышляли, как жить дальше. Со стороны они были похожи на большую дружную семью. Дусик валялся прямо на ковре, по его животу ползала Машенька и пыталась достать у отца язык изо рта. Олимпиада Петровна восседала в кресле и вытянутой рукой постоянно тыкала в телевизор пультом, Милочка завязывала на голове у собачонки Душеньки роскошный бант, а Инга быстро перелистывала страницы какой-то поваренной книги. Яков Глебыч, по обыкновению, находился в ванной. Вроде бы семейство дышало покоем и умиротворением, но на самом деле каждый испытывал тревогу, а то и откровенный страх.

– Дуся, мы скоро уедем, Машеньку заберем с собой, – проговорила Олимпиада Петровна. – Я думаю, с нами и Милочка поедет. Надо же кому-то за ребенком приглядывать. А вот Инга останется с тобой.

– Здра-а-ассьте! – оторопел Евдоким. – На кой леший мне такой подарочек? Она что – теперь мне будет памперсы менять?

Инга испуганно заморгала белесыми ресницами.

– Дуся! – строго набычилась маманя. – Не рви мои нервные окончания! Инга няня ни к черту, это уже давно понятно. Зато она замечательная повариха. А это как раз то, что тебе нужно!

– Нет уж, маманя, забирайте свою Ингу с собой, я с голоду не помру! А с ней не останусь! – Дуся забежал по комнате. – Да что это такое в самом деле?! У нас здесь творится черт-те что, я их специально отправляю подальше от дома, чтобы во всем разобраться, а они мне на шею эту Ингу! Не нужна она мне! И ведь какая! Нет чтобы Милочку мне оставить!

Инга нисколько не обижалась на такие откровения, а внимательно слушала – с кем же ей придется работать дальше. Она даже книгу отложила.

– Нет, я не понимаю, а чем тебе помешает эта замечательная девушка? – уже пошла на принцип Олимпиада Петровна. – Варит она прекрасно, я буду спокойна, что ты не похудеешь, ведет себя Инга скромно. Знаешь, Дуся, зато я твердо буду уверена, что, когда вернусь домой, меня здесь не будет ждать новая хозяйка – уж в Ингу-то тебя никак не угораздит влюбиться! А если я тебя оставлю с Милочкой, то она не только в загс тебя потащит, но и умудрится в роддом попасть до моего приезда! Все! Я пошла отдыхать! И не надо! Не надо меня тревожить!

Дуся хотел было напомнить, что няnek для того и выбирали, чтобы Дуся с кем-нибудь из них отправился в загс, но у мамани был такой воинственный вид, что сегодня этот вопрос он поднимать не стал.

Из ванной выплыл красный, распаренный Яков Глебыч, и Милочка, которая возилась уже с Машенькой, тут же сунула ему на руки девочку и упорхнула к себе в комнату.

– Сегодня, между прочим, не моя смена, – успела она напомнить. – Вот вы, Яков Глебыч, выставили Верочку, теперь сами ребенка укладываете. А уж я завтра на смену заступлю, по графику.

Яков Глебыч скис, подхватил девочку и не знал, куда ее пристроить. Дусик отобрал дочку и потащил к себе в спальню:

– Отдайте ребенка! Тоже мне, таскает ее еще... Манька, пойдем в кроватку. А что тебе сейчас папа споет!..

– Не вздумай! – немедленно высунулась из своей комнаты Олимпиада Петровна. – От твоих песен у крошки начинают дергаться ножки! Дай-ка мне!.. Масенька, внушенька моя золотая, пойдем с бабой баиньки. Пойдем, баба тебя покацает. А-ю-баю-баю-бай!..

Через несколько минут бабушка и внучка сладко всхрапывали на широкой постели, а Яков Глебыч топтался возле кровати, не зная, куда пристроить отдохнуть свое чисто вымытое тело.

Дуся сидел в своей комнате перед раскрытым блокнотом и судорожно грыз карандаш. Как бы узнать – на кого охотилась та машина? На самого Степана или все же на Якова? Чутье упрямо подсказывало ему, что хотели убить вовсе не горе-любовника. Что-то неладное творится вокруг семейства Филиных – сначала выкрали маманин паспорт, потом ее кто-то любезно заминировал, теперь вот хотели от Якова избавиться... Или все же от Степана?

На следующее утро Евдоким Филин проснулся от того, что кто-то тихонько скребся в его дверь.

– Душенька! Ты, что ли? – недовольно пробормотал он, надевая тапки.

Маленькая собачонка изредка изъясляла желание навестить своего хозяина. Правда, потом на его кровати оставалась неизменная лужа, но это от чистого собачьего сердца, так сказать, на память о теплых отношениях. Но сейчас на пороге стояла Инга, скромно улыбалась, и лицо ее при этом покрывалось неровным кирпичным румянцем.

– Ага, это я, – неловко улыбнулась она и потупила взор. – Я вам... вот, кофе принесла, в постель.

Дуся со стоном вздохнул, но быстро взял себя в руки.

– Это ты зря, – нудно поучал он, не впуская девицу к себе в комнату. – Не дело это с продуктами по всей квартире носиться, еще сразу какую поймашь...

Девушка готова была провалиться сквозь землю – так неловко она себя чувствовала. И ведь этот олух, прости господи, даже ничего не заметил. А у нее сегодня и макияж совсем другой, и прическа новая, и даже глаза густо намалеваны тушью.

Филин, между тем, уже протиснулся в ванную, и оттуда по всей квартире послышались странные звуки, напоминающие вой плакальщиц.

– «Пойдем, Дуся, во лесок, во лесок, сорвем, Дуся, лопушок, лопушок... Тря-ля-ля-ля тим-тара-тим-тара...» – Дуся пел.

Когда он вышел после водных процедур, возле двери стояли все домочадцы с самыми злобными взглядами.

– Дуся! Я тебя как мать просила – не вой! – накинулась на него Олимпиада Петровна. – Теперь вот из-за тебя у Инги молоко на плите пригорело, Милочка вообще отказывается с Машенькой сидеть, а Яков Глебыч от твоих завываний опять начал чемоданы собирать!

– Да! – мотнул головой Яков Глебыч. – Собираю потихоньку. Потому что вы ничего не делаете, а только воете. А между прочим, если собаки воют, то это к покойнику! А я не хочу!

– И я! – тут же пискнула Милочка.

– Ну, знаете!.. – запыхтел Дуся. – Тоже мне, нашли собаку! Между прочим, я исполнял русский народный фольклор! А, да чего вам объяснять!

Он так обиделся на непонимание, что выскочил из дома, даже забыв про завтрак.

Еще вчера Дуся твердо решил навеститься к той самой Вале – подружке несчастного Степана – и сейчас направлялся именно туда. Конечно, еще было очень рано, надо бы прийти чуть позже, но уж больно не хотелось оставаться дома, где его только что обидели. Ну да, конечно, у него немножко не хватает слуха, зато каков голосище! Понятно, что он не Паваротти! Так ведь он и денег за свой вокал не спрашивает! Даром поет, на радость родным и близким, а они...

В таких раздумьях он и дошел до местного секонд-хенда. Если верить Якову Глебычу, трагедия развернулась именно здесь. Дуся поднял голову: так и есть – прямо над вывеской импортной комиссионки нависал балкон. Если подсчитать... если подсчитать, то получается, что квартира с этим балконом находится... во втором подъезде.

Путем сложных подсчетов Филин отыскал квартиру Валентины и не ошибся. Правда, сначала ему открыл двери хмурый мужик в мелких бараньих кудряшках.

– Ну? – недобро спросил он, открыв двери.

– Простите, а... Валю можно? – заробел Дуся. По его размышлениям, муж дамочки должен был находиться уже на работе. Не станешь же расспрашивать при нем у его жены про любовника!

Но Юлик, а это был именно он, на работу, видимо, не спешил, во всяком случае, он намеревался еще долго маячить в прихожей, потому что, не двигаясь с места, зычно чихнул, прочно облокотился о дверной косяк и только потом крикнул в глубь квартиры:

– Валька, ядрено коромысло!! Ты хоть бы своим кобелям говорила, чтоб позже прибежали, я ж еще на работу не ушел!!

– Так, а чего ты телишься-то?! – рявкнула на мужа невидимая Валька, но тут же сменила рык на масляный голосок. – А чего там – меня, что ли? Так это, наверное, не кобель, это... это врач мой, наверное.

И перед глазами Евдокима появилась прехорошенькая, пухленькая женщина в кокетливом розовом платице с белыми рюшами. Увидев гостя, она удивленно вытаращила глаза и уже открыла рот, но у нее хватило ума сначала спровадить мужа:

– Юлик! Не торчи пнем, сходи поставь чай, видишь, мне некогда!

Юлик окинул Филина подозрительным взглядом, однако послушно поплелся из прихожей. Валя снова открыла рот, но Евдоким ее опередил:

– Я пришел расспросить про Степана, вашего... друга, – быстро зашептал он.

У женщины тотчас же опечалились глаза, но она совладала с собой и крикнула мужу:

– Я же тебе говорила – это ко мне врач! Кардиолог!.. – принялась она отчаянно моргать обоими глазами и строить непонятные рожицы. Потом любезно защебетала: – Проходите, пожалуйста, э-э... Василий Васильевич!

– Нет, я Евдоким Петрович, – поправил Дуся.

– Какая вам разница?! – зашипела на него Валентина. – Я все равно не запомню.

На кардиолога вышел посмотреть Юлик, но жена тут же на него накинулась:

– Юлик!! Ну что ты уставился?! У меня уже и так от тебя сердце отваливается, приходится врачей на дом звать, а он еще стоит тут! Ты уж или иди на свою работу, или ищи тонометр! Кстати, не забудь найти валидол и сделай фиточай!.. Проходите, Василий Васильевич! – повела она Дусю в комнату и не забывала все время тарыхтеть: – Вы знаете, доктор, в последнее время у меня какое-то повышенное сердцебиение! Вы не знаете, от чего это?

«Доктор», конечно, трудился в медицинском учреждении, но несколько иного профиля. Поэтому он сейчас только сердито морщил лоб и важно тербил ухо.

– А... простите, вас в последнее время не подташнивает? Нет влечения к соленостям, к селедке? Нет? – нахмурился он и, видя, как женщина возмущенно крутит пальцем у виска, предположил: – Тогда... Я думаю, может, весна? Поэтому и бьется! Вы знаете, сердце вообще бьется почти у каждого второго. Сейчас же знаете – такая экология! А весной и вообще...

– Да какая весна?! Конец сентября на дворе! – забыла про «театр» женщина.

– Я образно выражаюсь! – нашелся Филин. – Влюбились в кого-нибудь, а сами-то уж не девочка, вот сердчишко-то...

Юлику, который втихаря подслушивал, о чем там воркует его жена, замечание про возраст ужасно понравилось, он даже хихикнул тихонько, пока жена не видела. Но самое главное, теперь он мог оставить свою супругу с этим врачом без боязни – Валечка не любила хамов.

– Валюш!! Ну я пошел, закройся! – крикнул он, выходя из квартиры.

– Ну наконец-то! Теперь мы можем спокойно говорить, – выдохнула Валя, когда плотно закрыла за мужем дверь. – Вы пришли расспросить меня про Степу, да? Вот пришли спросить, а сами всякую чушь несете!

– А я не доктор, чтобы бесплатно вам диагнозы ставить! – огрызнулся Дуся. – И вообще рассказывайте давайте, что там у вас произошло?

– Да что ж я расскажу, я ничего не знаю! Я только видела, как он там... внизу лежал... Господи, горе-то какое! А вы ему кем приходитеесь?

Дуся уселся на стул, поджал ноги и скромно проговорил:

– Я ему этим прихожусь... следователем. Только немножко не настоящим, а так – кустарным... тьфу ты! Частным, во! Частным сыщиком я ему прихожусь.

Валентину такое признание так удивило, что она даже на некоторое время забыла про скорбь:

– А к нам чего? Нет, если вы думаете, что это я его машиной задавила, то...

– Да нет, что вы, я не...

– А! Так вы решили, что это Юлик его, да? – догадалась она. – А я вам сразу скажу – фижня! Юлька у меня только с виду такой страшный, потому что не стрижется, я ему денег не даю, а так он... Ой, я сейчас сюда бутерброды притащу, мы будем пить чай, и я вам расскажу!

Она подхватила, унеслась на кухню и уже оттуда продолжала рассказывать:

– Юлька у меня знаете какой тюфяк? Он даже ванну не может с работы стащить! Вы знаете... – она уже вошла в комнату с батонком колбасы под мышкой, держа подбородком батон, а в руках несла две полные чайные чашки. – Вы знаете, он же у меня слесарь. А какие они сейчас дома делают! Там такие ванны, знаете, с гидромассажем, такие кругленькие, здоровенные, нам на такую три месяца копить надо! Я ему говорю – иди ночью, ты же все дырки знаешь, тихонечко ванну отвинти и приволоки домой, никто даже не хватится! Так он...

– Валентина, я...

– Да нет же, говорю вам! Юлик не мог! Даже из ревности не мог! – женщина сунула горячую чашку в руки гостя. – Во-первых, если бы он всех, кого надо, давил, полгорода бы на кладбище перебралось!.. Ой, я, кажется, куда-то не туда... А во-вторых, у него и не было никакой ревности, у Юлика! И потом, Степа ведь отчего с балкона-то сиганул? Оттого что Юлик домой пришел не вовремя. Ну и ясное дело, не захотел с ним еще раз объясняться, потому и того... сиганул.

– А почему «еще раз»? Он что, уже объяснялся? – удивился Евдоким.

– Н-ну... однажды пришлось, но... Но мы сказали мужу, что Степа мой инструктор по аэробике и поэтому он в таком виде. Ну, Юлька и поверил. Он у меня такой... доверчивый. А потом еще раз поймал нас, но тогда уже сам вспомнил, что Степа инструктор. Нам, помню, тогда со Степаном пришлось полчаса под музыку скакать, чтобы муж ни о чем не догадался. Я чуть не умерла под эти пляски. И Степа тоже. Вот поэтому он больше и не захотел скакать, а сразу вниз, с балкона. А я с Юлием дома осталась. И он больше никуда не уходил.

Не верить ей было невозможно, да Евдоким и сам не подозревал Юлия, но надо же было узнать наверняка.

– А скажите... – начал он.

– Понимаю! – немедленно перебила та. – Понимаю, вы хотели бы, чтобы я вам рассказала, где и как мы познакомились со Степаном, да? Ну так вот...

Пока она, закатив глазки, пыталась придумать, с чего начать, Дуся быстренько прервал сладостные воспоминания:

– Мне вовсе не интересно знать – как и где. Я просто хотел полюбопытствовать: у Степана были враги? Его кто-нибудь хотел... прикончить? Может, у него были еще любовницы? Завистники? Может, он алименты не платил, место в автобусах не уступал?

Валя сбилась с нужной волны, а она только собиралась рассказать красивую легенду, как Степан спас ее от коварных акул в Баренцевом море и этим покори ее сердце! Хотелось, чтобы все красиво, а теперь... Дамочка немного поморгала, а потом махнула рукой:

– Да какие там завистники? И алиментов у него никаких не имелось! Он же с Танькой со своей уже столько живет! И дети у них уже взрослые. И кстати, разводиться он не собирается, паразит!.. – Тут Валюша вспомнила, что о паразите надо говорить только хорошее или уже молчать, поспешно прикрыла рот рукой и повела себя, как и подобает. – Ой! Нет, конечно же, не паразит, не паразит, господи-и, несчастье-то какое-е-е-е!.. Ну чего вы сидите? Налейте мне чаю, видите – дама тоскует, – возмущенно рыкнула она на гостя и тут же снова завывала: – Да и как же мне теперь одной-то-о-о-о-о?! И кому теперь моя краса надобна-а-а-а?

Дуся уже не слишком обращал внимание на ее завывания.

– А откуда...

– Откуда я узнала, что Степа погиб? – по обыкновению, перебила его Валя, забыв про горячие слезы. – Так ведь тут как было... Вчера, значит, когда Степа-то спрыгнул в одних своих трусах... кстати, эти трусики я ему покупала, его Танька никогда на него не тратилась! В общем, Юлька домой пришел, а у нас, знаете, замок такой – фиг откроешь с первого раза... Короче, когда он прорвался, я уже вся такая спокойная была, сижу себе, в телевизор пялюсь и петельки на спицу набираю. Он сразу за стол, Юлька-то. Господи! наших мужиков теперешних разве, кроме жратвы, что-то интересует, я вас спрашиваю?! Ой, да не пыжьтесь вы, я сама знаю! Ничего их не интересует! Ну и сидит мой ягненок за столом, а я на балкон выскочила, надо ж узнать – может, Степка-то весь переломался, пока летел. Смотрю – под балконом никого нет, значит, удрал. Ну и я уже спокойненько так к кастрюлям. И что вы думаете? Не успела я поварешку в руки взять – бац! Такой удар! У нас даже посуда в серванте зазвякала. Я снова на балкон. А там под нашим балконом... нет, немножко не под нашим, а в сторонке, возле стены лежит какой-то непонятный мужчина! Вроде по прическе Степка, а по одежде неизвестно кто! Я на всякий случай сразу в крик. Юлька мой всполошился, на улицу выскочил, а там уже продавцы из комиссионки выбежали, визжат, орут, милицию вызывают. Юлька домой, мне и говорит: «Какого-то бедолагу машина сбила». А я видела эту машину-то! Она такая черная вся, джип, он отъезжал, когда я в первый раз этого мужика-то увидела! И, главное, так быстро отъезжал! Я еще тогда никакого значения не придавала, а сейчас думаю – от дура-то!

У Дуси появилась мысль, он хотел было спросить Валю – не помнит ли она номер, но женщина, увидев, как он шлепает губами, пресекла его попытку:

– Так вы слушайте! Это я тогда еще не сильно горевала, я ж не знала, что это Степа! А вот потом, уже ближе к вечеру, к нам пришел милиционер и сразу спросил, не знали ли мы такого Степана Акимыча Охрименко. Мой-то олух сразу же сказал, дескать, никаких Охрименков мы не знаем, а что такое вообще произошло? А милиционер и говорит, что, мол, этого Степана сбили возле нашего дома, человек погиб, и хотелось бы узнать, может, кто из жителей знал его, то да се... Ну а я промолчала. Не стану же я мужу перечить! И потом что бы я сказала – откуда я его знаю? Нет уж, я ничего такого не сказала.

– А откуда же милиционер узнал, что это именно Степан? Да еще и Охрименко?

– Ой! А чо не узнать-то? Они Степку-то как облупленного знают! Он же у них, в милиции-то, раза два за воровство сидел! – всплеснула руками Валя. – Мы с ним и познакомились-то потому, что я его за штанины ухватила, когда он из моей форточкой мою же люстру волок!

Быть может, Валя сообщила бы и еще какие-то интересные подробности, но в этот миг зазвонил телефон. Женщина подскочила к аппарату и через минуту заверещала в трубку:

– Аленка!! Ты, что ли?! Ты чо вчера-то не звонила? Тут у меня тако-о-ое! Представь, Степку-то моего машина задавила!.. Ой, ну, конечно, насмерть!.. Я тебе сейчас все подробно расскажу! Ты сидишь? Сядь, а то свалишься! Короче, так...

Дальше Евдоким Петрович Филин, частный детектив, для Вали перестал существовать совершенно. Она охала, ахала, взывала, скулила и глупо хихикала в трубку, передавая подружке все новости, и всяческие попытки Филина обратить на себя внимание терпели крушение. Оставалось только смиренно обути в прихожей и тихо удалиться. И даже выходя из подъезда, Евдоким не слышал, чтобы хозяйка заперла за ним дверь, так была увлечена беседой.

Домой он пришел все же в приподнятом настроении.

– Мамань!! Собирай Машеньку, я с ней пойду на улицу гулять, такая погода стоит, как на заказ, прям как на заказ! – крикнул он, переступая порог своей квартиры.

– А чего тебе погода? – появилась Олимпиада Петровна. – У нас тут такое творится, а он бегаёт по улице погоды разглядывает! И нечего кричать, спит Машенька! Времени-то сколько...

– А кушать есть чего? – не сильно расстроился Евдоким.

Немедленно из кухни высунулась Инга и яростно замотала головой:

– Рассольник есть, картофель, жаренный с грибами, и компот вишневый. А булочки пекла, так их того... Яков Глебыч уже все съел! Я сейчас быстренько в микроволновке подогрею.

Маменька все еще дулась. Конечно, она предполагала, что сынок бегаёт по их жуткому делу, выясняет, кто на них осерчал или, по крайней мере, выключивает паспорт у паспортисток, а он...

– Разогреет она... – бурчала женщина. – Господи, этих мужиков ну ничего, кроме жратвы, не интересует! Ну хоть ты помри здесь всем семейством! Один булки лопаёт, другой... Куда за стол?! А руки?!!

Евдоким послушно вильнул в ванную, потом степенно уселся за стол и оказался последним. Когда только домочадцы успели оседлать все стулья – неизвестно, но сейчас за столом семейство было в полном составе, включая красавицу Милочку и мохнатую склочницу Душеньку.

– Ну? – требовательно спросила мать семейства, едва Дуся поднес первую ложку ко рту. – Говори: что тебе удалось узнать по поводу нашего недобитого Яшеньки? Что там с машиной-то? Ты же должен понимать, что на Якова будет совершенно следующее нападение! И теперь уже будут бить до победного конца!

Яков Глебович, который потихоньку пододвинул к себе Дусину тарелку с картошкой, нервно затрепетал ноздрями, и вилка выпала из его рук.

– Евдоким! Ну что же ты жуёшь?! – не выдержал он напряжения. – Ну что там узнал-то? Тебе сказали, когда на меня будут покушаться в следующий раз? Ты узнал – кому я там на хвост наступил? И вообще – когда уже мне можно будет отбыть?!

– Завтра, – с полным ртом пояснил Дуся. – Мама паспорт получит, и отбывайте. А по поводу той машины... Ой, я не знаю, чего вы все переполошились-то? Может, и не за вами вовсе она гонялась-то? Прям трясутся сидят...

Олимпиада Петровна отобрала у сына ложку и с силой брякнула ею об стол.

– Да как же нам не трястись, а?! Мы же вчера тебе говорили: помер мужик, нечего по чужим бабам скакать, а ты нам что?! «Не-е-ет, это обязательно Яшу вашего хотели придавить, чтобы его уже совсем не было»! Ясное дело – мы взволнованы, сидим весь день, боимся к двери подойти, ты где-то шатаешься, а теперь выясняется... Откуда ты взял, что это не на Яшу?

Евдоким потянулся было за новой ложкой, но маменька бодро шлепнула его по руке.

– Мамань, я сегодня провел громадную работу, – тяжело вздохнул он. – Я был у той самой Вали.

– Представляю, – хихикнул Яков Глебыч, но тут же серьезно насупил. – Ну-ну-ну? И что выяснилось?

– А то! Степа ваш был форточником, понятно? Парочку раз отсиживал в местах не столь отдаленных, ну и вполне понятно, что мог себе там нажить не только друзей. Короче, я же все равно не смогу выяснить, кто из бывших дружков захотел с ним поквитаться, ну и... я так подумал... Ну какого фига мы будем тут какое-то расследование начинать, когда вообще это нас не касается, правда ведь?

– Правда! – весело захлопала в ладошки Милочка и сверкнула на Дусю горящими глазами. – Мы лучше, Евдоким Петрович, с вами еще раз в кино ходим, точно?

– Нет, не точно! – огорчилась матушка такой серенькой развязке. – А меня почему тогда на мину посадили?

Дуся задумался. Да уж, матушка со своей миной никуда не вписывалась.

– Мамань, слушай, а помнишь, ты со старушкой из второго подъезда поссорилась, она еще сказала: «Чтоб тебя разорвало, мясная колода!»

– А-а-а! Так это Харитониha! Я сказала нашим бабкам, что ее внучка не проституткой валютной работает, а вообще даже на рынке рыбой вонючей торгует! Кто ее валютчицей-то возьмет?! У нее ж внешность... одно слово – харя! Ее так и кличут – Харя, да! Ну, а бабка осерчала, обиделась, что внучку ейную оклеветала, – охотно вспомнила матушка, но вдруг прикусила язык и окаменела. Наконец выговорила: – А ты чего это спросил? Ты думаешь... Харитониha мне мину сунула?

Дуся только многозначительно пожал плечами. Получалось, что вокруг их семьи было наворочено невесть сколько всяких таинств, а вот оно как замечательно разруливалось, главное – хорошо подумать! Зря только Верочку – такую няньку потеряли, эх...

– Маменька, не забудьте – у вас завтра паспорт, – напомнил он.

– Совсем ты, Дуся, что ли? – обиделась Олимпиада Петровна. – Как же я забуду? Мне же его в загс тащить, надо же и о свадьбе задуматься! Кстати... Ингуша!! Девочка! Давай-ка мы с тобой сейчас сядем и продумаем, что нам надо будет на стол!! Милочка! А ты не сочти за труд, уложи Машеньку, а потом посиди, полистай журнальчики, мне бы современный фасончик подобрать, все никак не могу выбрать себе костюм!..

И Олимпиада Петровна уплыла к Инге на кухню. Милочка унеслась в детскую укладывать Машеньку, Дуся же улизнул к себе – совсем недавно он купил себе компьютер, и теперь его неудержимо тянуло к монитору – поиграть в «косынку». И все же поиграть не удалось. Инга, вероятно, решила окончательно прибрать молодого миллионера к рукам, а поскольку пути к его сердцу, кроме как через желудок, она не ведала, то расстаралась и удивила всех вечерним сладким пирогом с брусникой. По всей квартире разносились такие ароматы, что все домохозяды потянулись на кухню, глотая слюны в ожидании лакомства.

– Нет, я не понимаю! А чего вам не спится-то? – недовольно встречала каждого вошедшего Олимпиада Петровна. По наивности женщине думалось, что Инга желала порадовать исключительно ее. – Яков Глебыч, куда в тебя лезет? Ты же все булки умял!

– Дык... Бабочка моя, я ж расту! Оттого и кушать хочется каждый час!

– Инга, налей ему вчерашних щей, растущему организму нужны витамины, а не какая-то там стряпня!.. Милочка! Ты тоже растешь, что ли?

– Да ну на фиг! – фыркнула Милочка. – Я просто пирога хочу, и все. Не, а чего – мне не полагается, что ли? Тогда я, как Верка, смотаюсь – и сидите сами с Мари!

– О господи! Да кто тебе пирога-то жалеет? – всплеснула руками Олимпиада Петровна. – Ешь сколько хочешь! Толстей! Ты и так в джинсы не влазишь, скоро в дверь не войдешь, но мне ж не жалко – ешь!! Инга, отрежь ей самый маленький кусочек, не дело это фигуру девке портить. Дуся, ты тоже сильно-то на пирог не налегай, не налегай! Лучше вон картошечки...

– Мамань, там тебя к телефону, – скучно пробасил Дуся, – какой-то мужской голос.

Ревнивый жених Яков Глебыч даже ухом не повел, зато благочестивая невеста, покрасневшись и чуть не сметя стол вместе с пирогом, ринулась в гостиную к трубке. Уже через минуту она вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.